PETER KREEFT

SOCRATES MEETS MACHIAVELLI

SHOUT
SHARE
IT

- Сократ встречает Макиавелли - Питер Крифт
  - Сократ встречает Макиавелли - Питер Крифт
    - Сократ встречает Макиавелли
      - Отец философии задает вопросы автору «Государя»
      - Вступление
      - 1. Действующие лица
      - 2. Отличие от Платона
      - 3. Основной закон истории, сформулированный в «Государе»
      - 4. Соответствие истине
      - 5. Антропология Макиавелли
      - 6. Нравственная сила
      - 7. Знание добра и зла
      - 8. Власть доверия
      - 9. Армия и законы
      - 10. Любовь и страх
      - 11. Этика Макиавелли
      - 12. Метафизика Макиавелли
      - 13. Эпистемология Макиавелли
      - 14. Логика Макиавелли
      - 15. Жизнь Макиавелли
      - 16. Формула успеха
      - Примечания

Сократ встречает Макиавелли - Питер Крифт

Сократ встречает Макиавелли - Питер Крифт

Эта книга – одна из целой серии, в которой Сократ исследует великие книги. Книги этой серии замышлялись как краткие пособия, не требующие особой подготовки, доступные для начинающих. Они также дают обзор основных вопросов главных разделов философии конкретных мыслителей.

- Вступление
- 1. Действующие лица
- 2. Отличие от Платона
- 3. Основной закон истории, сформулированный в «Государе»
- 4. Соответствие истине
- 5. Антропология Макиавелли
- 6. Нравственная сила
- 7. Знание добра и зла
- 8. Власть доверия
- 9. Армия и законы
- 10. Любовь и страх
- 11. Этика Макиавелли
- 12. Метафизика Макиавелли
- 13. Эпистемология Макиавелли
- 14. Логика Макиавелли
- 15. Жизнь Макиавелли
- 16. Формула успеха

Сократ встречает Макиавелли

Отец философии задает вопросы автору «Государя»

Вступление

Эта книга – одна из целой серии, в которой Сократ исследует великие книги[1]. Книги этой серии замышлялись как краткие пособия, не требующие особой подготовки, доступные для начинающих. Они также дают обзор основных вопросов главных разделов философии конкретных мыслителей (см. названия глав): метафизики[2], эпистемологии[3], антропологии[4], этики[5], логики[6] и метода. Эти книги могут использоваться как для обучения в классе или аудитории, так и для самообразования.

Книги этой серии можно читать и сами по себе, но лучше всего перед их прочтением ознакомиться с теми небольшими произведениями философской классики, которые обсуждаются в этих диалогах.

По сюжету, автор одной из великих философских книг после смерти встречается с Сократом. Это не должно отпугнуть от чтения тех, кто не верит в жизнь после смерти. Хотя оба действующих персонажа каждой из книг и их философские взгляды – это факт истории, их беседа, конечно, не является таковым и требует «веры в предполагаемые обстоятельства»[7]. Но у скептика нет причины не допустить литературную вероятность подобного сюжета.

1. Действующие лица

Сократ: Сюда! Николо, сюда!

Макиавелли: Кто? Что? Где? Кто ты, господин, и почему кличешь меня, как собаку? Покажись!

Сократ: Я здесь – прямо перед тобой.

Макиавелли: Не могу разглядеть тебя сквозь туман. Я что – в Аду?

Сократ: Боюсь, что нет. Ты не в Аду.

Макиавелли: Я не это имел в виду, простофиля!

Сократ: Уверен? Разве не этого ты больше всего боишься?

Макиавелли: Я никогда не был догматиком и не заявлял, что знаю что-либо о жизни после смерти, как это делают легковерные христиане.

Сократ: Так стало быть ты не боишься того, что может тебя

ожидать? Ведь ты же не имеешь в виду, что эти «легковерные христиане» были правы, рассказывая о том, что ждет нас после смерти, и о аде? Ты имеешь в виду, что они НЕ правы?

Макиавелли: Я был практичным человеком. В смысле, я и сейчас практичный человек. Почему я говорю о себе как о мертвом?

Сократ: Если ты был практичным человеком, то почему не предпринял мер относительно пугающего и неизвестного будущего, когда у тебя еще была возможность их предпринять? Разве это не противоречит одному из главных принципов твоей книги?

Макиавелли: Ты прочел мою книгу?

Сократ: Прочел.

Макиавелли: И?

Сократ: Я часто поражался твоей практической мудрости. Вот, например… Вот это место…

Макиавелли: У тебя здесь есть моя книга? Вот теперь я могу тебя разглядеть. Но откуда здесь этот туман?

Сократ: Туман – это только твое сознание, мой друг. Ты это скоро увидишь. Это одно из особенностей этого места. Да… Вот этот отрывок. Я помню, что это в третьей главе, где ты рассуждаешь о римлянах, которые для тебя являются образцом практичности. Я зачитаю…

Макиавелли: Стой! А ты кто? И почему у тебя моя книга? И куда я попал?

Сократ: Всё в своё время, мой друг, всё в своё время. А сейчас не сбивай меня, я хочу зачитать тебе этот замечательно мудрый отрывок…

Макиавелли: Ты хочешь доказать мне, что мне следовало бы бояться Ада, опираясь на мои же собственные слова?

Сократ: Именно!

Макиавелли: Ты из Инквизиции?

Сократ: О, что ты, нет! Здесь нет ничего подобного. Но все же, в некотором смысле можно сказать, что я нечто вроде инквизиции в одном лице. Исследование – вот чем я занимаюсь. Но я не имею ничего общего с пытками. Нет, нет, меня не сбить! Где же этот отрывок. Я снова его потерял.

Макиавелли: Середина третьей главы. Параграф начинается со слова «римляне».

Сократ: Спасибо. Да, вот он. Ты настолько мудр, что точно понял, что я хочу прочитать.

Макиавелли: Тогда зачем терять время на зачитывание?

Сократ: О, здесь невозможно потерять время.

Макиавелли: Здесь?

Сократ: Так! Я отвлекаюсь в последний раз! Здесь!

Макиавелли: Ненавижу это слово.

Сократ: Послушай же:

«Римляне поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем, и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечим. Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства»[8].

Ты знаешь этот закон в отношении к телу и к политике, затрагивающей наши тела. Почему же ты не применил этот закон к душе?

Макиавелли: Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Сократ: Ты должен ответить на вопрос. Рано или поздно. Здесь невозможно что-то утаить.

Макиавелли: И ты говоришь, что здесь не Ад?

Сократ: Верно!

Макиавелли: Я ведь умер, правда?

Сократ: И снова верно!

Макиавелли: Так это Чистилище или Ад?

Сократ: Это Чистилище для тебя и Рай для меня.

Макиавелли: Как такое может быть?

Сократ: Я здесь продолжаю делать то, что больше всего любил на земле – задавать вопросы мудрым людям, получать мудрость от тех, кто знает. Ведь я то совсем не такой – ведь я не обладаю мудростью. Но это будет Чистилищем для тебя, так же как для моих сограждан на земле. Но здесь ни у кого нет возможности пристукнуть слепня и отослать его в иной мир. Это и есть иной мир. Ты обязан терпеть мои вопросы.

Макиавелли: Так значит, ты – моя пытка.

Сократ: Нет, я твой друг.

Макиавелли: Мой инквизитор.

Сократ: Нет. Твой учитель.

Макиавелли: Средствами инквизиции.

Сократ: Нет. Средствами исследования. «Жизнь, не подвергаемая исследованию, не стоит того, чтобы быть прожитой». Ты же знаешь.

Макиавелли: Теперь то я точно знаю, кто ты такой, уродливый старикашка!

Сократ: Я полагал, что это очевидно.

Макиавелли: Ты один из многих подражателей Сократа. Я встречал десяток таких в университете. Ты совсем не оригинален.

Сократ: Думаю, что это уже не так очевидно. Нет, Никколо, я тот самый. «Оригинальный». Подлинный Сократ. Уверяю тебя.

Макиавелли: Так вот мое Чистилище – отвечать на вопросы Сократа.

Сократ: Боюсь, что так.

Макиавелли: У меня есть какой-либо выбор?

Сократ: Нет. Мы оба должны выполнить наши задания. Они нам даны свыше. Дело в том, что каждый философ обязан терпеть мои вопросы. Ты в этом не единственный.

Макиавелли: И Платон? Платон встречался с тобой здесь?

Сократ: Конечно.

Макиавелли: Хотел бы я послушать тот разговор.

Сократ: На это нет позволения. По крайней мере, не сейчас. Может быть позже, много позже. Но пока это только отвлечет нас. А в этом месте нужно совсем противоположное.

Макиавелли: Должен ли я отвечать перед тобой за всё?

Сократ: О, Боже, нет, конечно. Только за свои труды, не за свою жизнь. И только за свои книги. И только за «Государя».

Макиавелли: Мой шедевр.

Сократ: Это мы еще посмотрим. Но я скажу тебе, что твоя книга была одной из самых влиятельных из всех, когда-либо написанных. И хотя почти никто не согласился полностью с тобой, ты повлиял на всех. Тебя даже называют отцом современной политической философии.

Макиавелли: Ха! Они говорят, что не согласны со мной, но они знают, что я сказал правду – иначе они не обращались к этим идеям так часто, что меня даже можно назвать «отцом современной политической философии». Ты же так сказал, верно?

Сократ: Да, но…

Макиавелли: Мне нравится такой титул. Очень нравится. Теперь я понимаю, почему они послали тебя встретить меня. Ты ведь настоящий, правда?

Сократ: Я похож на бутылку кока-колы?

Макиавелли: На что?

Сократ: Проехали. Потом поймешь. На самом деле в выгляжу так же необычно, как бутылка кока-колы. Ты говоришь «настоящий» - что ты имеешь в виду?

Макиавелли: Теперь я убедился, что ты настоящий, Сократ, я узнал тебя по почти навязчивому желанию давать всему определения. Да! Это точно загробный мир. О! Сократ, я собираюсь сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь

отказаться. Возьми меня к себе на работу. Сделай меня здесь своим партнером. У меня есть все необходимое для этой работы: глубокое знание реальной жизни, а не только идей, понимание человека, а не просто идеальной человеческой природы. У меня большой опыт. И я изучал историю.

Сократ: У тебя прекрасное чувство юмора, Никколо!

Макиавелли: Я серьезно, Сократ. Я понимаю, как эта ситуация выглядит с твоей стороны. У тебя уже есть власть, и ты можешь спросить, что же я могу тебе предложить.

Ну, Сократ, я знаю, что ты веришь, что понимание – это самое ценное в мире. И из того, чем я владею, больше всего я ценю свое понимание деяний великих людей. Ты, наверное, уже понял это, раз читал мою книгу. Я надеюсь это не будет слишком наглым для человека низкого происхождения – давать тебе советы, о великий Сократ, мудрейший человек в мире. Ведь тем, кто проживает в долине, видны как горные вершины, так и те, кто проживает на них. Горцам же этот вид недоступен. Ты взобрался на вершину горы, оставив большинство человечества в пещере. По этой причине я, поставивший себе задачу изучать пещеру, могу многому научить тебя о людях, проживающих в ней, и о том, как они сражаются с тенями. Ты познал истинное благо, но я знаю больше об обмане и лжи и зле. И если ты из своей небесной мудрости посмотришь вниз – в царство мрака, в котором я жил, то увидишь, что я настоящий эксперт по вопросам, касающимся злой «фортуны»[9].

Сократ: Ты это серьезно?

Макиавелли: Абсолютно. Возьми меня на работу, Сократ. Из нас получилось бы великолепное сочетание. Я делаю тебе предложение, от которого ты не можешь отказаться.

Сократ: Ты не играешь?

Макиавелли: Нет, почему ты спрашиваешь?

Сократ: Потому что ты пародируешь самого себя. Помнишь, что ты писал в посвящении, адресованном Лоренцо Великолепному, и помещенном в самое начало книги? Ты использовал те же аргументы, даже те же самые образы, чтобы убедить его нанять тебя – и та же бесстыдная лесть и оскорбление…

Макиавелли: Оскорбление? Нет! Не тебя!

Сократ: Ты посвятил целую главу «Государя» вопросу лести – «Каким образом избегать льстецов». И ты послал книгу Лоренцо в качестве подтверждения своей компетенции, но приложил к ней бесстыдно льстивое письмо! Ты наверное счел разум Лоренцо Великолепного совсем не великолепным. А также и мой, если счел, что я не замечу этого противоречия.

Макиавелли: В этом никто не сравнится с тобой, Сократ. Для тебя поиск противоречий – то же, что для муравьеда поиск муравьев.

Сократ: Что ж. По крайней мере мы оставили царство лести.

Макиавелли: Так как тебе мое предложение?

Сократ: Даже если бы мне хотелось его принять – а мне не хочется – все равно это невозможно. Это запрещено. У нас двоих другая задача. И ты не помощник экзаменатора, а мой экзаменуемый.

Макиавелли: О! Я понимаю. Я вовсе не хотел нарушить воли твоего Хозяина. Кстати, ты никогда не рассматривал этот вариант? Конечно, лишь как мысленный эксперимент. Возможно, тебе пригодился бы мой опыт в том единственном мысленном эксперименте, который ты никогда не проводил.

Сократ: Стоп. Молчи! Ты думаешь, я столь же наивен, как женщина в саду? Или, говоря твоими категориями, кому, по-твоему, принадлежит здесь власть?

Макиавелли: Ты неверно понял мои намерения.

Сократ: Я не могу знать намерений. Но есть Тот, Кто может. Поэтому я настойчиво предлагаю избегать задумываться о подобных «мысленных экспериментах» даже на секунду. И хоть ты и можешь обмануть меня, я ничего здесь не решаю. Думаю, ты догадываешься, Кто решает.

Макиавелли: Я буду кротким, как овечка. Что я должен сделать, чтобы получить спасение?

Сократ: (Даже сейчас игры с огнем!) Многое, мой друг, но сейчас только одна предварительная задача – познать самого себя. Именно для этого я и был послан к тебе. И я буду использовать твою книгу как твое зеркало.

Макиавелли: Ты будешь исправлять меня?

Сократ: Нет, я буду задавать тебе вопросы, а ты будешь отвечать. И, если ты захочешь, то можешь исправлять сам себя.

Макиавелли: Конечно! Твой знаменитый «сократический метод»! Что ж, если у меня нет выбора, начинай.

Сократ: Выбор у тебя есть. В этом суть вопроса – выбор. Каждый вопрос дает по крайней мере два варианта выбора – да или нет. И только ты решаешь, какой выбор сделать. Я знаю, ты понимаешь, ведь ты прочел те записи Платона[10], в которых он приводит вопросы, которые я задавал многим моим землякам в Афинах. И ты умный человек.

Макиавелли: Ты хорошо меня знаешь, Сократ. Давай начнем.

2. Отличие от Платона

Сократ: С чего ты предпочитаешь начать?

Макиавелли: С начала.

Сократ: Мудрый выбор. Полагаю, ты имеешь в виду название книги.

Макиавелли: Да. И я хотел бы сразу попросить тебя не сравнивать «Государя» с книгой, которой он в наибольшей степени противоречит, с самой знаменитой и влиятельной философской книгой – по крайней мере в мое время…

Сократ: Ты имеешь в виду «Государство» Платона?

Макиавелли: Да. Я знаю, он был твоим любимым учеником, но…

Сократ: Ты этого не знаешь. На самом деле у меня много проблем с этой книгой. Тебе наверное интересно будет узнать, что она продолжает оставаться самой влиятельной книгой в истории философии уже много веков. Именно поэтому и естественно сравнить ее с твоей книгой. Эти книги были пионерами классической и современной политической философии, а также двух противоположных темпераментов – идеалиста против реалиста, рационалиста против эмпирика, принципов против фактов. Мне кажется, это прекрасный план, но почему ты не хочешь, чтобы я сравнивал?

Макиавелли: Ответ в двух названиях. Я написал свою книгу для единственного читателя – человека, который является или хочет быть государем. Я просто рассказал ему, что сработает, а что нет – рассказал государю. Платон написал свое «Государство» для целого общества – respublica – общее дело. Общее благо всегда важнее частного в «Государстве».

Сократ: Да, это так.

Макиавелли: И второе отличие в том, что государство Платона не было реальным, а было лишь мечтой. Когда Платон решил претворить свою мечту в реальность в Сиракузах, где правил его родственник, это не сработало. Это было катастрофой. «Государство» написано для человека, который не существует. Идеальная человеческая природа – это абстракция.

Сократ: Да, катастрофа в Сиракузах – это факт. Но вопрос о существовании идеальной человеческой природы остается одним из величайших вопросов философии, по которым ваши с Платоном мнения расходятся. Он был метафизическим реалистом. Он полагал, что природа вещей столь же реальна, как и сами вещи. Ты же был номиналистом, то есть полагал, что природа вещей это лишь название, имя, nomina, а реально существуют только индивидуальные вещи. Но твоя книга не о метафизике, поэтому мы не будем обсуждать эту тему сегодня, хотя полезно будет иметь в виду, что многие твои аргументы в

«Государе» предполагают метафизический номинализм. Второе допущение об общем и частном благе очень резко отличает твою книгу и ее название от платоновской. Было бы правильным обсудить здесь этот вопрос. Почему же ты просишь меня не делать этого?

Макиавелли: Потому что наши цели были совершенно различны. Платон заявлял, что определяет идеальную справедливость в обществе. Я же делаю совсем другое. Я заявлял, что определяю методы достижения политического успеха.

Сократ: Справедливо, Никколо. Я принимаю это объяснение. Продолжу задавать вопросы к тексту твоей книги.

Макиавелли: Спасибо, Сократ. Ты более справедлив, чем я ожидал.

Сократ: Что ты имеешь в виду, говоря «справедливый»? Это та же справедливость, о которой говорил Платон? Если так, то почему нам не обсудить вопрос Платона и не попытаться определить справедливость?

Макиавелли: Я беру свой комплимент обратно.

Сократ: Я беру обратно свой вопрос. Я дразнил тебя, Никколо. Я ограничу свои вопросы только текстом твоей книги.

Макиавелли: Спасибо!

Сократ: Ты начинаешь в первой главе с классификации всех государств на республики и принципаты (единовластно управляемые государства). Почему ты с этого начинаешь?

Макиавелли: Потому что сначала нужно понять общий расклад, а потом вдаваться в детали того, что ты хочешь создать. Я пишу для государя – настоящего или бывшего.

Сократ: Люди больше не говорят о государе «бывший», разве что в Оксфорде или Кембридже. Теперь принято говорить «несостоявшийся».

Макиавелли: Если все твои поправки столь незначительны, то я в легком Чистилище.

Сократ: Нет же! Ибо сейчас последует самый сложный вопрос.

Макиавелли: Делай, что должен, Сократ.

3. Основной закон истории, сформулированный в «Государе»

Сократ: Мой первый вопрос о твоем основном законе.

Макиавелли: И почему я не удивлен?

Сократ: Почему моя логика вызывает у тебя сарказм?

Макиавелли: Твой метод кажется мне подозрительным. Вы, философы-рационалисты, любите начинать с главных законов. Но

я предпочитаю начинать с фактов, а затем уже выводить из них законы, и подтверждать законы фактами, как ученые подтверждают свои гипотезы полученными данными.

Сократ: О! И я тоже так делаю!Я буду заниматься следующим – проверять твои гипотезы и фактами, и логикой. Не понимаю, почему ты разделяешь эти методы? Они друг друга дополняют.

Макиавелли: Я их не противопоставляю.

Сократ: Тогда ты не должен возражать, если я проверю и твои основные законы, и твои факты.

Макиавелли: Да проверяй. Что ты считаешь моим основным законом?

Сократ: Тот, что упомянут у тебя в конце первой главы. Ты говоришь, что правитель приобретает власть двумя путями – либо своей доблестью («virtu»), либо волею судьбы (fortuna).

Макиавелли: Либо соединением и того и другого.

Сократ: Таким образом, ты считаешь, что благодаря этим двум силам все и происходит в истории.

Макиавелли: Да

Сократ: То есть это и есть твой основной закон, которым ты объясняешь все?

Макиавелли: Да. Но я не начинаю с этого закона и не пытаюсь из него что-либо вывести. Я вывел его из изучения фактов истории. Это научный закон, а не философский. Я уверен, что именно я первым сделал историю наукой.

Сократ: Как же ты сделал это? Что сделал ты такого, чего никто не делал до тебя?

Макиавелли: Я нашел основные категории истории. Видишь ли, доблесть («virtu») и судьба (fortuna) в научной истории являются тем же, чем материя, пространство и время в научной космологии.

Сократ: (Сегодня это называется физикой). Я понимаю. Это то же самое, что категории рассудка, эмоций и воли в психологии. А в чем ты видишь необходимость этих базовых категорий? Почему ты заявляешь, что твое открытие базовых категорий истории человечества сделало историю наукой?

Макиавелли: Базовые категории делают нас сильнее через знание.

Сократ: То есть цель категорий – знание, а цель знания – власть?

Макиавелли: Точно! Когда мы знаем основные категории в какой-либо области, мы способны свести все многообразие явлений к единой формуле, а она, в свою очередь, позволяет нам предвидеть и контролировать явления. Это и есть практическая наука.

Сократ: Прекрасно сказано, Никколо! Ты очень умный человек, и твое понимание природы практической науки намного опережало других мыслителей твоего времени.

Макиавелли: Спасибо, Сократ! Но я все еще опасаюсь того, что ты называешь самым сложным вопросом. Ты уже задал этот вопрос? И удовлетворил ли тебя мой ответ?

Сократ: Нет. Самый сложный вопрос еще впереди. Но сначала поясни мне свои базовые категории, а также и то, как ты используешь их в своей формуле истории или политики, как бы это ни называлось.

Макиавелли: Это очень просто, Сократ! Virtu означает доблесть, могущество, силу, власть – все те способности, при помощи которых человек может контролировать историю, контролируя жизнь и поведение других людей силой, законом или убеждением. А fortuna означает те силы, которые влияют на человеческую жизнь, но которые мы сами не можем контролировать. Другими словами, это удача или случай, который мы не можем контролировать, благоприятный или неблагоприятный.

Сократ: Понимаю. То есть «virtu» не означает «нравственную доблесть», а fortuna не означает удачу в деньгах. Virtu означает власть и возможность проявить власть и контроль, а fortuna означает прямо противоположное, то, на что невозможно повлиять. Правильно?

Макиавелли: Ты верно понимаешь мои термины, Сократ.

Сократ: И всё, что мы не можем контролировать, ты называешь удачей или случаем. Так?

Макиавелли: Так.

Сократ: Мы могли бы как-нибудь обдумать это предположение. Но сейчас я хотел бы узнать, как ты используешь эти категории. Что ты хочешь ими сказать? Как звучит твоя основная формула?

Макиавелли: Это главная формула успеха в любой области, Сократ, но особенно в делах государственных, и, главным образом, для само**го** правителя, особенно если он хочет быть успешным и даже великим. А также и для того, кто не является правителем, но собирается им стать.

И формула звучит так: успех – это максимизация «virtu» при минимизации «фортуны». У поражения же – обратная формула.

Сократ: Поразительно ясно и просто, Никколо!

Макиавелли: Спасибо! Между прочим, я был бы тебе благодарен, если бы ты обращался ко мне, используя мой титул и мою фамилию, как и пристало, вместо того, чтоб звать меня просто «Никколо», как дети в игре.

Сократ: Всех здесь называют их привычными именами. Здесь нет титулов даже у императоров. Ведь мы и есть играющие дети – ты это постепенно поймешь. Но об этом мы позаботимся позже. Я лишь твой первый врач здесь, и я занимаюсь только твоей книгой. Так что давай вернемся к ней и к ее фундаментальной формуле.

Макиавелли: Которую ты называешь поразительно простой и ясной.

Сократ: Да.

Макиавелли: Так что же это за сложнейший вопрос, которым ты меня пугаешь?

Сократ: Никто не пугает тебя, Никколо. О, не выгляди таким растерянным! Ты конечно должен был ожидать чего-то подобного. Ты что, ожидал, что совет твоей книги будет работать здесь так же, как и в пещере теней?

Макиавелли: Так вот почему ты отказал мне, когда я сделал тебе предложение, от которого ты не смог бы отказаться.

Сократ: Конечно. Но сейчас пришло время задать тот самый вопрос, который я называю самым главным, а ты - пугающим. Это вопрос о главном тезисе твоей книги, о твоей формуле успеха.

Макиавелли: Давай же. Уже не важно, насколько умным и сложным он будет. Я не боюсь. Что еще о моем тезисе? Ты же говоришь, что он поразительно простой и ясный. Чего еще ты хочешь?

Сократ: О! Совсем немного. Мы просто должны исследовать, насколько он соответствует истине.

Макиавелли: Истине?

Сократ: Здесь что, появилось эхо?

Макиавелли: Истине? Насколько соответствует истине? И это все?

Сократ: Двойное эхо…

Макиавелли: Но что такое истина?

Сократ: Очень не советую тебе разыгрывать этот гамбит. Один человек, который сделал этот вопрос известным, очень ухудшил свою репутацию. Ты ведь не хочешь этого?

Макиавелли: Конечно, не хочу.

Сократ: Что же, существует всего два способа доказать, является ли утверждение верным, как ты знаешь из уроков логики – дедуктивный[11] и индуктивный[12]. Первый намного быстрее, если он возможен – вот основная причина,почему я предпочитаю именно его в моих диалогах. Мои собеседники всегда торопятся заняться чем-то еще, вместо того, чтобы искать и находить истину.

Макиавелли: Тогда давай испробуем сначала быстрый путь. Если он приведет нас к цели, то было бы пустой тратой времени

идти долгим путем. Я думаю, что мой тезис специалисты по логике называют самоочевидной истиной, а потому неопровержимым. Ибо все, что происходит, либо может контролироваться, либо нет. Таким образом все попадает либо в категорию «virtu», либо в категорию fortuna. По поводу этих категорий не может быть никаких разногласий, как не может быть и какой-либо третьей категории. И вот формулировка моего предварительного тезиса – все, что происходит, происходит либо по причине «virtu», либо про причине «фортуны». А мой главный тезис – это моя формула успеха: успех – это максимизация «virtu»и минимизация «фортуны». Это тоже само собой очевидно, ведь «virtu» предполагает контроль, а именно это мы и подразумеваем, когда говорим об успехе.

Надеюсь, тебя, Сократ, порадует, что я смог изложить это на языке философов – абстрактном и дедуктивном, а не конкретном и индуктивном, чтобы сэкономить огромное количество времени. Теперь у тебя нет необходимости изучать все приведенные в моей книге аргументы, и все исторические факты, на которых я основывал свое заключение.

Я прошел твое испытание. Какая же следующая ступень? Куда ты теперь пошлешь меня?

Сократ: Как же вы – вновь прибывшие смертные – торопливы. Мы едва начали, а ты уже говоришь о следующей ступени, словно мы уже закончили.

Макиавелли: Но мне казалось, что своим ответом я вполне удовлетворил тебя и твою узконаправленную любовь к истине. Я логически доказал, что оба мои тезиса истинны. Ты не можешь их отвергнуть, не совершая логического противоречия. Это ведь и есть тот критерий, которым мы отличаем истину от лжи.

Сократ: Никколо, давай предположим, что я ознакомил тебя с двумя великими и изменяющими мир учениями. Первое – что все овцы могут быть или белыми или черными. А второе – это формула белизны овец: если мы понимаем под белым цветом, то, что не имеет цвета, то овца является белой в той степени, в какой она бесцветна. Оба эти утверждения самоочевидны, не так ли? Они истинны по необходимости. Но они ничего мне не говорят. После того, как я понял их, я не стал мудрее. Это то же самое, как сказать мне, что нарвал – это нарвал, вместо того, чтобы сказать, что нарвал – это морское млекопитающее с одним бивнем. Обе части твоей великой формулы в логике называются тавтологией. Они истинны, но тривиальны.

Макиавелли: Но это именно то, чем вы, философы, наполняете свои книги, и чего я не делаю. Мои книги полны фактов, а не пустых слов.

Сократ: Это нужно рассмотреть.

Макиавелли: Так давай рассмотрим. Ты сказал, что будешь исследовать мою книгу, а не просто законы. Для этого нужно открыть книгу, открыть глаза и исследовать множество фактов.

Сократ: Да. Мы должны. Но мы должны сделать это, чтобы узнать эти факты сами по себе, или для того, чтобы понять новую науку историю, которую, как ты заявляешь, ты открыл?

Макиавелли: Нет, Сократ. Ты прав. Мы должны объединить факты и законы. Моя мудрость не просто в знании фактов или законов, которые не основаны на фактах, законов, которые являются просто тавтологиями, но моя мудрость в выделении практических принципов политической науки из фактов истории.

Сократ: То есть именно твои законы являются твоим главным поводом для гордости.

Макиавелли: Да. Но не столько сами законы, сколько то, насколько прочно они базируются на фактах прошедшей истории, и, более того, насколько они полезны для правителя, применяющего их для изменения будущего.

Сократ: И эти законы должны быть не просто тавтологиями? Они должны научить нас тому, чего мы ранее не знали?

Макиавелли: Да.

Сократ: Тогда, как мне кажется, я нашел по крайней один такой закон в твоей книге, о котором мы можем поспорить, насколько он соответствует истине – после того, как мы его выделим и сформулируем. Думаю, что это будет нашим следующим раундом. Это тебе подходит?

Макиавелли: Я пока воздержусь от суждений о твоем методе, пока не увижу результат.

Сократ: Насколько же ты недоверчив! Ты хотя бы готов начать со мной новый раунд спора по страницам твоей книги?

Макиавелли: Думаю, что теперь ты сделал мне предложение, от которого я не могу отказаться. Так что давай продолжим.

4. Соответствие истине

Сократ: Мы ищем общие закон, который не являются тавтологией, которого люди еще не знают, и который требует мудрого учителя, подобного тебе, чтобы открыть его.

Макиавелли: И это будет практический закон, в отличие от законов твоей философии, по крайней мере той, которой учил Платон. Моя книга, в отличие от «Государства» является практической книгой.

Сократ: А чем, по твоему, определяется практичность закона? Что делает закон практичным?

Макиавелли: Если мы знаем его и пользуемся им, он обратит неудачу в успех, поражение в победу, бессилие во власть, а если мы не знаем его или, зная, не пользуемся, то это объясняет наши падения.

Сократ: Сработает ли практический принцип, если он ошибочен?

Макиавелли: Нет. Только если он верен.

Сократ: То есть это и есть твой критерий истины?

Макиавелли: Да.

Сократ: И одновременно это и критерий лжи: человек, который действует в соответствии с ним, потерпит неудачу, если он ложен, и обретет успех, если он верен?

Макиавелли: Я полагаю. Почему ты настаиваешь на добавлении критерия ложности к критерию истины?

Сократ: Потому что мы ищем закон, который не является простой тавтологией, не так ли?

Макиавелли: Да.

Сократ: И такой, который сообщает нам то, что раньше не было известно.

Макиавелли: Да.

Сократ: А те, кто не знают, что это правда, могут подумать, что это ложь.

Макиавелли: Да.

Сократ: И если закон действительно верен, то те, кто думает, что он не верен, и действуют в соответствии со своими неверными представлениями, не добьются успеха, а потерпят поражение, по крайней мере, чаще чем те, кто знает и руководствуется этим законом.

Макиавелли: Да. Так и должно быть.

Сократ: И мы можем наблюдать это поражение в мире фактов, в мире видимых явлений?

Макиавелли: Именно!

Сократ: То есть твой закон будет подтверждаться на практике, если он верен, и опровергаться практикой, если он ложен.

Макиавелли: Да, Сократ. Именно таким и должен быть практический научный закон.

Сократ: Хорошо. Теперь я задам второй вопрос о том основном законе, который мы ищем. О чем же будет этот закон? Что он будет открывать новым и истинным способом?

Макиавелли: Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь.

Сократ: Давай я попробую показать тебе, что я имею в виду, рассказав тебе другой основной закон, который я считаю истинным, но который ты, вероятно, не сочтешь таковым. Но этот

закон по своему типу очень близок тому, что мы ищем. Понимаешь?

Макиавелли: Да.

Сократ: Мой основной закон заключается в том, что ни один человек не делает зла осознанно; зло совершается лишь от незнания.

Макиавелли: Совершенно нелепый закон. Так вообще бывает?

Сократ: Возможно. Но я сейчас не хочу спорить о его истинности или ложности, я просто хотел показать тебе какого типа закон мы ищем: такой, который учит нас чему-то новому, и не о природе чисел, или звезд, или книг, или богов, но о природе человека. Думаю, что именно это ты и ищешь, желая найти практический закон, не так ли?

Макиавелли: Согласен. Я заявляю, что именно это я и знаю – природу человека. В отличие от тебя, бедный Сократ! Твои глаза смотрят на звезды, а не на землю. Ты смущаешь человека богом и ангелами. Если по какой-то теме тебе и нужна моя мудрость, то именно по этой. Если по какой-то теме я и должен пройти испытание, то именно по этой.

Сократ: Потому что мои представления о природе человека были упрощенными и односторонними, а твои – более полными и разносторонними?

Макиавелли: Да. И потому что мои представления работают. Мои исходят их фактов и подтверждены фактами, а не абстрактной теорией.

Сократ: Мы рассмотрим оба твоих заявления: что твоя философия человека реалистична, поскольку соответствует всей сложности человеческой природы и поведения, и что она реалистична, так как соответствует наблюдаемым фактам. Ведь ты претендуешь именно на славу человека, познавшего закон реальной жизни.

Макиавелли: Вот именно! Особенно при сравнении с тобой – великим идеалистом. Я уверен, что смогу доказать тебе, что ты нуждаешься в моей мудрости и в моей помощи.

Сократ: Я надеюсь, ты сможешь показать мне свою мудрость. При жизни в другом мире я никогда не преуспевал в своем желании найти мудрого человека. Я решил, что только Бог мудр, а человек может быть только любителем мудрости, и что единственная мудрость, которой человек может обладать на земле – это мудрость признания, что он не обладает мудростью. Надеюсь, ты сможешь мне доказать, что мой выводбыл необдуманным, и что на земле все же существовал мудрый человек, хотя у меня и не было возможности встретить его

раньше.

Макиавелли: Моя мудрость может быть не той, какую ты ищешь, Сократ.

Сократ: О, я позволю тебе следовать совсем к иной цели. Моим единственным вопросом будет – достиг ли ты **своей** цели, а не моей. Я не буду судить тебя по требованиям моей философии, только по твоей.

Макиавелли: Меня это радует. Видно, в Чистилище есть справедливость. Спасибо, Сократ.

Сократ: Но о твоей второй надежде – что ты сможешь показать мне, что мне нужна твоя помощь и я должен взять тебя на работу – у меня нет таких полномочий. Я подчиняюсь высшим властям.

Макиавелли: Да, да, конечно. Но я знаю, как работает власть.

Сократ: Сомневаюсь, что знаешь.

Макиавелли: В чем тебе видится моя ошибка?

Сократ: В том, что ты путаешь Бога-Отца с «крестным отцом». В твоем мире ты научился делать предложения, от которых невозможно отказаться. В этом мире мы действуем по другому. Его метод заключается в том, что Он делает предложение, от которого можно отказаться. Его власть уважает твою свободу.

Макиавелли: Странно, что такое проявление слабости ты называешь властью.

Сократ: Думаю, что ты неверно представляешь себе, что такое власть. Ты написал в своей книге, что «лучше, чтоб тебя боялись, чем любили». Он не разделяет твоего мнения. Он предпочтет быть любимым, чем наводить страх.

Макиавелли: Я не могу этого понять. Но так как я в его[13] мире, а не в моем, я должен принять это, я полагаю. Мне совсем не хотелось бы быть замеченным в неуважении к тому, что требуют уважать стоящие выше меня.

Сократ: Но боюсь, что требуется не просто уважение.

Макиавелли: Что бы это ни было. Что еще требуется?

Сократ: Истина. Он абсолютный приверженец истины.

Макиавелли: О! И я тоже. Именно поэтому я и написал свою книгу – рассказать истину, показать, каковы вещи на самом деле, а не в идеале.

Сократ: Тогда давай испытаем твою книгу.

Макиавелли: Абзац за абзацем?

Сократ: Нет, я не буду таким придирчивым, но лишь сосредоточусь на твоих важнейших законах и формулах.

Макиавелли: На политических формулах.

Сократ: На философском основании твоих важнейших

политических формул.

Макиавелли: Ты имеешь в виду мое понимание природы человека – психологии и антропологии.

Сократ: Да, с этого мы начнем. Далее, твоя этика. Далее мы рассмотрим, как метафизика – общая теория бытия, того что существует и не существует – влияет на оба первых пункта. И затем, конечно, твоя эпистемология – теория познания и метода познания, чтобы убедиться в верности того, как ты получил свое знание. И, наконец, твоя логика, то есть соответствуют ли твои выводы один другому, есть ли у тебя противоречия в предпосылках или в конечным выводах.

Макиавелли: Я полагаю, что если они послали философа испытывать меня, то я должен ожидать проверки, структурированной по основным разделам философии. Я готов начать со своей философии человека. С чего начнем?

Сократ: С твоего главного закона, конечно.

Макиавелли: Так проверяй же!

Сократ: Но мы должны кое-что сделать сначала.

Макиавелли: Какой же ты нудный! Ну что еще?

Сократ: Сначала мы должны найти его, перед тем как проверить.

Макиавелли: О! Ну, хорошо. Давай найдем.

Сократ: К сожалению, есть кое-что еще, что мы должны сделать сначала, перед тем, как найдем его.

Макиавелли: Да ты запредельно нудный, Сократ! Ты меня удивляешь. Что же по твоему, должно быть сделано перед тем, как мы найдем основной закон?

Сократ: Я бы предложил сначала его поискать.

Макиавелли: Возможно, ты мудрее, чем кажешься. Что ж, начнем.

Сократ: Да, ведь это самое подходящее занятие для начинающих .

5. Антропология Макиавелли

Сократ: Я хотел бы начать с одного типичного практического совета, который ты даешь в своей книге.

Макиавелли: Хорошо! Я надеюсь, ты понимаешь, что практический совет был истинной целью моей книги, а вовсе не теория, не проповедь, не метафизика и не мораль.

Сократ: Конечно, я понимаю это. Ты сказал это в своей книге.

Макиавелли: Мне казалось, я сказал это настолько ясно, насколько возможно. Но все же многие читатели, скорее даже большинство читателей, критикуют меня за написание книги,

которой я никогда не писал. «Государь» - это не безнравственная книга, потому что это книга не о нравственности. Я ничего не говорил в ней о морали, о том, каким человек должен быть, - я говорил только об антропологии, о том, каков человек на самом деле. И я также ничего не говорил о метафизике – о вечной истине, но только об истории, о прошломи настоящем, о том, что мы можем увидеть своими глазами и вывести индуктивным рассуждением. Метафизики рассуждают о невидимом, и они постоянно спорят. Я не метафизик. Я антрополог.

Сократ: Я понял твое намерение. Но подозреваю, что его поняло и большинство твоих читателей, ведь ты так ясно его обозначил в своей книге. Но читатели могут, как и я, считать, что невозможно заниматься антропологией, не занимаясь метафизикой.

Макиавелли: Конечно возможно! Я же так и делал!

Сократ: Правда? Давай посмотрим. Что ты называешь антропологией?

Макиавелли: Научное изучение человека – человека, каков он есть, и каким он был, а не человека, каким он должен быть.

Сократ: Но можно ли знать «человека, каков он есть», не зная хоть немного, ЧТО же такое человек? К примеру, если боги не существуют, а человек существует, то человек не может быть богом. Это верный аргумент?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: Но он подразумевает метафизику, утверждая, что боги не существуют. Ведь метафизика и изучает, что существует, а что нет.

Макиавелли: О!

Сократ: Единственный известный мне способ ничего не сказать о том, что существует – это не сказать ничего.

Макиавелли: Что ж. Если это все, что ты имел в виду под метафизикой, пусть так и будет. Я занимался метафизикой. Но по крайней мере я не рассуждал о морали.

Сократ: Но ты делал это. Ты сам сделал много нравственных выводов из своей антропологии, точно также, как ты изначально сделал много важных метафизических допущений в своей антропологии. Например, в главе 18, посвященной вопросу о том, должны ли правители выполнять свои обещания, ты именно своей антропологией подтверждаешь рекомендацию о том, ЧТО правителю допустимо совершать (то есть лучше не совершать, но иногда можно). ***«Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ним так же»***.

Макиавелли: Знаю, что многие читатели были шокированы

подобным утверждением, но я могу его обосновать.

Сократ: О, вероятно, можешь. Но я сейчас не задаю вопроса. Позднее мы рассмотрим вопрос, говоришь ли ты здесь верно. Сейчас же мы только устанавливаем, говоришь ли ты как философ, то есть ведет ли твоя антропология к рассуждению о морали, и основана ли она на метафизике, как я утверждаю, хоть ты это и отрицаешь.

Макиавелли: Ни в коем случае! Она основана на наблюдении реальных фактов, а не на теориях и законах! И она дает фактический, практический успех в этом мире, а не идеальную святость в мире ином.

Сократ: Извини, но как ты думаешь, где мы находимся?

Макиавелли: Просто с языка соскочило… Я не знаю, где мы находимся, на надеюсь, что в этом месте чтят справедливость.

Сократ: Так и есть.

Макиавелли: Тогда я уверен, что ты будешь судить меня только по моим собственным заявлениям и обещаниям.

Сократ: Таково мое намерение.

Макиавелли: Тогда ты не будешь принуждать меня использовать свой дедуктивный метод вместо моего индуктивного. Я ищу истину не в абстрактных клетках формул, но в лесу конкретных фактов. Вы философы продолжаете выпускать зверей из клеток и велите им бежать в лес. Вы начинаете с почти одомашненных зверей в клетках своих основных законов, а затем пытаетесь найти им применение в реальной жизни. Я же иду охотиться в лес. И моя добыча – основной закон, который и живет в лесу. И лишь затем я сажаю его в клетку формулы.

Сократ: Я начну исследовать твои утверждения твоим методом, а не моим. Начнем с частностей.

Макиавелли: Спасибо!

Сократ: Например, в третьей главе «Государя».

Макиавелли: Наконец то мы говорим о моей книге. Вместо того, чтобы говорить о разговорах.

Сократ: Ты даешь совет государю об основание новых колоний на недавно присоединенных территориях.

Макиавелли: Почему ты выбрал именно этот отрывок, Сократ?

Сократ: Потому что я вышел на охоту. И та добыча, которую я ищу, - это заявления твоей антропологии о фундаментальной истине, и надеюсь, я смогу найти ее в этой части леса.

Макиавелли: Справедливо.

Сократ: Ты говоришь:

«Колонии не требуют больших издержек, устройство и

содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей. … Уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести».

Макиавелли: Тебе не найти более практичного совета, чем этот! Сама история доказывает его правоту.

Сократ: Раз уж ты это заявляешь, то, думаю, мне стоит изменить мой метод на противоположный. Обычно я стараюсь сразу найти основной закон и сформулировать его, прежде чем судить о том, истинен он или ложен. Но пожалуй, в этом конкретном случае лучше будет изменить порядок, как бы это ни казалось странным, и начать с вопроса, на который в этом случае, кажется, проще ответить –«А подтверждается ли это заявление фактами истории?» А уже потом перейти к более сложному вопросу о том, какова же формулировка того основного закона, который мы ищем. Эта формула может скрываться за твоими аргументами словно в засаде, словно тигр, прячущийся за кустами. И если мы увидим твои аргументы, то мы сможем увидеть и твой основной закон, подобно охотнику, замечающему тигра при рассматривании кустов.

Макиавелли: Не понимаю, как это сработает, но готов составить тебе компанию, о, могучий охотник! Выходи на охотничью тропу. Что же ты хочешь исследовать в моем совете, который только-что зачитал?

Сократ: Только понять, подтверждает ли его история.

Макиавелли: Отлично. Но для этого тебе понадобится историк – кто-то типа меня. Ведь ты же только философ.

Сократ: Но я здесь уже очень давно и встречал множество разных людей разных времен и разных исторических эпох, даже таких, время которых было для тебя в будущем. Время работает здесь совсем иначе.

Макиавелли: Так ты знаешь о будущей истории, Сократ? Расскажи, умоляю тебя!

Сократ: Я расскажу тебе лишь то, что поможет нам разобраться в сегодняшнем вопросе. Во второй половине XX века существовало государство, которое следовало твоему совету об образовании колоний или поселений на землях, отвоеванных у

другого народа. Государство называлось Израиль. Оно было основано в 1948 году на землях, отобранных у арабского народа, называемого палестинцами. Впервые за 18 столетий евреи получили свое государство. Палестинцы при помощи могущественных арабских соседей, включая Египет, развязали три войны, чтобы вернуть эти земли. Вместо этого, они лишь уступили еще больше арабской земли Израилю. После каждой войны евреи строили свои поселения на завоеванных землях и заселяли их своими гражданами.

Макиавелли: Мудрая стратегия.

Сократ: Но она не сработала. Она постоянно десятилетиями провоцировала палестинцев и других арабов на насилие. Они даже становились смертниками-самоубийцами, лишь бы сеять страх и смерть среди евреев. И что бы ни предпринимали евреи – переговоры, компромиссы, возврат завоеванных земель, контратаки, рейды, репрессии – ничего не приводило к стабильности и миру. Когда у палестинцев не было оружия, они кидали камни в вооруженных израильских солдат.

Макиавелли: Евреи должны были ответить на жестокость еще большей жестокостью, если у них были военные ресурсы.

Сократ: Они так и сделали.

Макиавелли: Каков был результат?

Сократ: Насилие не прекратилось.

Макиавелли: Нужно было доводить до летального исхода. Мертвые не поднимают восстаний.

Сократ: Они и довели до летального исхода.

Макиавелли: Что? Арабские духи восстали из могил? Мертвые смогли отомстить?

Сократ: Нет. Отомстили живые. Потому что у них была связь с мёртвыми. Возможно, это тот факт о человеческой природе, который ты не заметил, когда писал **«*все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей».***

Макиавелли: Какой же факт ты имеешь в виду?

Сократ: У него много названий. «Солидарность». «Сотрудничество». «Преданность». Или ты считаешь, что эти слова не имеют никакого отношения к человеческой природе?

Макиавелли: Это всё идеалы. Они могли и влиять на некоторых людей в некоторые времена и в некоторых обстоятельствах, подобно созерцанию шедевров или моральному воодушевлению. Но желание избежать боли и болезненной смерти движет всеми людьми во все времена, потому что они влияют на них не так, как идеи, которые еще нужно сделать

реальными, а как уже реально существующие стимулы внутри их природы.

Сократ: То есть, пользуясь терминами, которые ввелмой «внук» по философии Аристотель, моральные идеи движут человеком как конечные причины, но не как действующая причина. Ты это хотел сказать?

Макиавелли: Точно!

Сократ: То есть если говорить только о природе человека, о его чистой природе, о состояниях, когда поведение человека определяется только тем, что уже существует в его природе, каждый человек эгоистичен и стремится к соперничеству?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: То есть природное состояние – это состояние войны?

Макиавелли: Точно! Почему, как ты думаешь, все люди во все времена истории воевали? Очевидно, что это заложено в самой их природе.

Сократ: Но люди во все времена также и сотрудничали друг с другом, формировали сообщества и создавали законы. Почему и это не признать частью их природы?

Макиавелли: Когда человек считает, что проще добиться своей конечной цели через сотрудничество, он сотрудничает, когда считает, что проще добиться войной – воюет.

Сократ: Но конечная цель в обоих случаях одинакова?

Макиавелли: Да. Это расширение своего влияния, своего владения, своей власти и контроля через завоевание.

Сократ: Триумф «virtu»над «фортуной» .

Макиавелли: Именно. Никто не хочет быть контролируемым. Все хотят контролировать сами. Никто не хочет быть слабым, порабощенным, невежественным, или – более всего – претерпевать пытки или быть убитым. Это естественно! Это природа человека.

Сократ: Откуда же, в таком случае, берется мораль?

Макиавелли: Люди обнаружили, что их конечная цель может быть достигнута при помощи взаимодействия и законов. Эти законы они затем провозгласили естественными, природными. И эти законы и определили мораль для них. И они начали рассуждать о нравственных идеалах как будто бы они были частью природы, как звезды, как будто эти идеалы были проявлением «фортуны» в их жизни, чем-то, что они обнаружили в природе, а не изобрели сами. Они восприняли эти идеалы как нечто изначально присутствующее в них, как часть их природы, как их кости, а не как одежду, которую они изобрели для того, чтобы прикрывать свою ничтожную природу.

Сократ: Знаешь, ты бы очень оценил философа, который

появился вскоре после тебя и развил наброски твоей философии до целой системы – Томаса Гоббса. А еще ты оценил бы и человека, с которым я однажды спорил о справедливости – Фрасимаха.

Макиавелли: Я прочел запись Платоном этой беседы в его «Государстве». Между прочим, это ты придумал все эти нелепости или Платон?

Сократ: О, почти все в «Государстве» - это мысли Платона, кроме первой книги, в которой я спорил с Фрасимахом. Я никогда не занимался политикой, как Платон, так как бог запретил мне, как я и объяснил в своей защитительной речи на суде[14]. Но давай не будем отвлекаться. Не так важно, кто автор идеи, важно, соответствует ли она истине. Сейчас мы должны исследовать, насколько верно твое утверждение, что справедливость, мораль, сотрудничество, бескорыстие не являются частью человеческой природы.

Макиавелли: Ты спорил с Фрасимахом только посредством логики. Но я спорю, опираясь на факты и наблюдения за тем, как человек себя ведет на самом деле. Как же мы с тобой можем найти общую основу для спора? Мы используем противоположные методы. Твой идеалистический и рационалистический метод приводит к твоим идеалистическим и рационалистическим выводам. Мой реалистический и эмпирический метод приводит к моим реалистичным выводам. Книга, подобная «Государству» Платона использует твой метод для того чтобы достичь своей цели – определить концепцию идеальной справедливости. Но книга, подобная «Государю» и ставящая скорее практические, чем теоритические цели, должна использовать более научный эмпирический метод. Несправедливо оценивать меня, используя твой метод. И я снова взываю к твоему собственному идеалу справедливости. Ты применяешь на практике то, что проповедуешь, или нет?

Сократ: Применяю.

Макиавелли: Тогда прояви справедливость и поступи со мной справедливо.

Сократ: Именно это я и намереваюсь сделать.

Макиавелли: Хорошо. Тогда давай посмотрим на факты, а не на теории.

Сократ: Давай. Давай проверим твои теории и заявления фактами. Особенно то твое заявление, в котором ты утверждаешь, что никакая мораль не присуща человеку, что мораль – это скорее изобретение, чем открытие, что мораль искуственна, а не естественна, что то, что одни называют совестью, а другие властью морали, не является глубокой, мощной и неотделимой

частью человеческой природы, как верили большинство людей и цивилизаций.

Макиавелли: Факт, доказывающий мою теорию, состоит в том, что эти цивилизации сами изобрели свои законы. Ты конечно знаком с фактами истории, Сократ? Или ты до сих пор столь провинциален, что считаешь, что весь мир думает на греческом.

Сократ: Нет, конечно. Например, я знаю китайский, в котором есть слово Дао, поразительно схожее по смыслу с греческими словами dike и logos. Дао одновременно означает "путь природы", «путь мудрости в человеческих делах», «путь предельной реальности». Логос означает разум, смысл, порядок, слово или речь, раскрывающую этот порядок. Дикэ также означает порядок, но главным образом справедливость, нравственное устройство. Обе культуры в языке показывают, что считают моральное благо реальным, даже более реальным чем звезды, и столь же естественным.

Макиавелли: Значит, обе культуры заблуждаются. Люди глупы. Уж это ты точно знаешь, Сократ.

Сократ: В этом основной закон твоей антропологии?

Макиавелли: Не совсем.

Сократ: Есть еще одно китайское слово – Дэ, которое отражает взгляд на природу человека, не схожий с твоим. И это подход почти всех культур и традиций. Это слово означает внутреннюю моральную силу, нравственную власть. Дэ это для совести то же, что вид для зрения, звук для слуха и число для вычислений.

Макиавелли: Я не понимаю.

Сократ: Я знаю, что не понимаешь. Ценю твою честность. Постараюсь показать тебе, что я имею в виду. Возьмем следующий отрывок из «Государя»…

Макиавелли: Наконец то мы вернулись к фактам.

Сократ: Глава 14. «Как государь должен поступать касательно военного дела». Ты пишешь: ***«Между человеком вооруженным и невооруженным нет никакого сравнения, и противно доводам разума, чтобы первый подчинялся второму».***

Макиавелли: Я…

Сократ: Пожалуйста, позволь мне процитировать еще один отрывок, прежде чем спорить или объяснять. Факты, Никколо, нам прежде всего нужны факты, помнишь? В шестой главе ты пишешь: ***«Переходя теперь к тем лицам, которые стали государями благодаря своей доблести («virtu»), а не «фортуне», я назову среди самых выдающихся Моисея, Кира, Ромула, Тезея и им подобных»***. И далее в этой главе ты провозглашаешь

следующий основной закон: ***«Все вооруженные пророки победили, а все безоружные погибли».*** И ты подтверждаешь этот закон следующими фактами: ***«Моисей, Кир, Ромул и Тезей, будь они безоружны, не могли бы добиться длительного соблюдения данных ими законов. Как оно и случилось в наши дни с Джироламо Савонаролой: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить».***

Макиавелли: Хорошо. Сейчас то мы стоим на твердой земле – на исторических фактах. Ты знаешь, как одни и те же горожане, которые любили и слушались этого пророка и моралиста Савонаролу, вскоре отвернулись от него, когда он продолжал обличать их желанную роскошь и их грехи, и сожгли его на костре.

Сократ: Да. И я знаю, что ты был там и все это видел – то есть видел то, что было видимо. Но я сомневаюсь, что ты увидел и невидимое.

Макиавелли: Ты имеешь в виду это Дэ – нравственную силу?

Сократ: Да. Как мы уже видели, ты написал, что «между человеком вооруженным и невооруженным нет никакого сравнения». Но это верно только в отношении их оружия. «Никакого сравнения» только потому, что оружие присутствует у одних и отсутствует у других . Но самих людей можно сравнить. В конце концов, и вооруженный человек – человек, и невооруженный – человек. Так что вполне можно провести сравнение двух человек в том, что свойственно человеку как человеку.

Макиавелли: И сюда ты включаешь то самое Дэ, нравственную силу?

Сократ: Да. В отличие от оружия она невидима. Но безусловно она относится к природе человека.

Макиавелли: Приятная теория. Но я не наблюдал этого факта.

Сократ: Давай посмотрим. Ты наблюдал падение Савонаролы, так?

Макиавелли: Да.

Сократ: Ты также наблюдал ранее и его успех?

Макиавелли: Да.

Сократ: Ты заметил причину этого успеха?

Макиавелли: Его причину? Что ты имеешь в виду?

Сократ: Вещи имеют причину, не правда ли? Разве это не закон науки? Как же объяснить вещи, если не через причину?

Макиавелли: Верно.

Сократ: Так как же ты объяснишь успех Савонаролы – невооруженного пророка – если не по причине Дэ?

Макиавелли: Я не отрицаю, что некоторые люди движимы моральным убеждением. Я не отрицаю и того, что эта воздействие может быть сильным и длиться долгое время, как не отрицаю и того, что оно глубоко укоренено в человеческой природе.

Сократ: Как тогда ты объяснишь успех Моисея? Ни один другой пророк не давал законов большему количеству людей и на большее время. Нравственные законы Моисея структурировали западную цивилизацию почти четыре тысячи лет. Где было оружие у Моисея? Ты поставил его в один ряд с Киром, Тезеем и Ромулом, который убил своего брата Рема и основал Рим.

Макиавелли: А если бы тогда у Рема было оружие, а у Ромула не было, то самая успешная империя в истории человечества называлась бы Ремской, а не Римской.

Сократ: Возможно. Но где же у Моисея было оружие? Может, в Библии забыли посчитать его коней и колесницы? Это его пехотинцы запугивали людей по всему Красному морю?

Макиавелли: Даже если я не могу объяснить Моисея, я объяснил трех других. Трое против одного – это хорошее соотношение.

Сократ: Но не для ученого. Всеобщая формула должна подходить подо все случаи, а не только под некоторые. Вот пример невооруженного пророка, который не проиграл, хотя ты и утверждал, что он должен проиграть.

Макиавелли: Я ответил на это замечание в своей книге.

Сократ: Да, ты написал «Хотя о Моисее не следовало бы рассуждать, ибо он был простым исполнителем предначертаний Бога».

Макиавелли: Да.

Сократ: Но ученые не говорят, «мы не должны обсуждать этих эмпирических фактов, поскольку они не соответствуют нашей теории».

Макиавелли: Моисей – это отдельная аномалия. Исключения подтверждают правило.

Сократ: Очень глупое высказывание. Исключение опровергает правило. Один черный лебедь опровергает правило, что все лебеди белые.

Макиавелли: Ну пусть это будет отдельной ошибкой. Я же не утверждал, что не совершаю ошибок. Одного человека, Моисея, я не могу объяснить. Остальных могу. Так что моя формула и так очень полезна.

Сократ: Мы только забыли о самом могущественном человеке в истории.

Макиавелли: Кого ты имеешь в виду?

Сократ: Согласен ли ты, что власть – это причина изменений,

а высшая власть - та что приводит к изменению наибольшее количество жизней?

Макиавелли: Да, это хорошее определение власти.

Сократ: Тогда скажи мне, был ли кто нибудь, кто изменил больше жизней, чем Иисус Христос?

Макиавелли: Нет.

Сократ: Тогда скажи мне, где жеего оружие?

Макиавелли: Я не претендую на объяснение сверхъестественного.

Сократ: А ты считаешь Дэ или нравственную силу чем-то сверхъестественным?

Макиавелли: Нет.

Сократ: Тогда она должна быть естественной. Но ты и это отрицаешь.

Макиавелли: Это не естественная и не сверхъестественная реальность, потому что это вообще не реальность. Это идея или идеал.

Сократ: Мы позже вернемся к твоему пониманию отношения между реальностью и идеей, когда будем рассматривать твою метафизику. Но сейчас, похоже, ты просто отступаешь, когда факты не вписываются в твою теорию, а не пытаешься использовать теорию для объяснения фактов. Разве так делают ученые? Разве не в этом ты обвинял философов? Кто из нас двоих сейчас открыт для всех фактов?

Макиавелли: Я, так как я допускаю и человеческое зло, и человеческое добро. Ты сильнее игнорируешь человеческое зло в своем идеализме, чем я игнорирую человеческое добро в моем реализме.

Сократ: Но я, по крайней мере, попытался объяснить сложные факты – как может человек быть столь злым – моей теорией о изначально доброй природе человека. Ты же своей теорией о злой природе человека даже не пытаешься объяснить, как человек может быть хорошим. Получается, что я – философ и идеалист, как настоящий ученый пытаюсь сопоставить свою теорию со всеми фактами, а ты – практик и реалист – нет.

Макиавелли: Сократ, я не смог объяснить только двух человек – Моисея и Христа. (Мусульмане еще заставят меня объяснить их пророка Мухаммеда, но я думаю, что смогу объяснить его успех силой оружия). Что означают два необъясненных человека, по сравнению со всеми остальными объясненными? Кроме того, оба были евреями, то есть представителями самого исключительного народа. Иисус уже имел преимущество родиться в народе Моисея, сформированном законами Моисея.

Сократ: Тогда давай посмотрим на один пример из другой культуры, чтобы понять, способна ли твоя теория человека объяснять факты. Скажи мне, пожалуйста, как бы ты объяснил следующее происшествие. Был один буддийский монах, который славился своей мудростью. Величайший воин посетил его, чтобы послушать его мудрость. Но монах ничего не сказал. «Ты лжец», закричал самурай, доставая меч. «Я пошлю тебя в иной мир, отрубив тебе голову, если ты не покажешь мне что-то одно, чего я не знаю, а ты знаешь!» «Я покажу тебе две вещи, - отвечал монах, - я покажу тебе врата Рая и врата Ада». «Теперь я точно знаю, что ты лжец!», сказал воин. «Нет! – ответил монах, - это ты лжец, а также глупейший и безобразнейший человек на земле!» Услышав это воин разгневался и достал свой меч, чтобы срубить монаху голову. Монах поднял палец и сказал: «Видишь, я показал тебе ворота ада!». Пораженный мудростью и устыженный воин вложил свой меч. Монах поднял два пальца и сказал: «А теперь я показал тебе ворота Рая!».

Скажи мне, Никколо, кто победил в этой стычке, вооруженный человек или невооруженный?

Макиавелли: Невооруженный.

Сократ: Какой же силой? Не замечаешь ли ты здесь действие Дэ?

Макиавелли: Может и так в этом случае. Но ни одно государство никогда на управлялось этой силой. Лишь в некоторых людях она сильна, но в большинстве людей – слаба. А в политике государь должен делать ставку на средних людей и на их число. Именно об этом моя книга. Хотя и писал ее для одного человека, будущего правителя, ее рекомендации не о том, как обходиться с отдельными людьми, особенно необычными и святыми, а о том как обходиться с массами народа, с государством. Это книга о политике в конце концов.

6. Нравственная сила

Сократ: Тогда давай посмотрим, что ты говоришь о Дэ в политике – а именно о государствах, управляемых Дэ, нравственной силой Церкви – о «церковных государствах (принципатах)». В 11 главе ты говоришь:

«Нам остается рассмотреть церковные государства, о которых можно сказать, что овладеть ими трудно, ибо для этого требуется доблесть или милость судьбы, а удержать легко, ибо для этого не требуется ни того, ни другого. Государства эти опираются на освященные религией устои, столь мощные, что они поддерживают государей у власти,

независимо от того, как те живут и поступают. Только там государи имеют власть, но ее не отстаивают, имеют подданных, но ими не управляют; и однако же, на власть их никто не покушается, а подданные их не тяготятся своим положением и не хотят, да и не могут от них отпасть. Так что лишь эти государи неизменно пребывают в благополучии и счастье».

Очень любопытное допущение.

Макиавелли: Просто исторический факт, а вовсе не «допущение».

Сократ: Но как может твоя теория объяснить этот факт?

Макиавелли: Какой факт?

Сократ: Факт существования религиозного сообщества, общественного порядка, основанного на христианской религиии просуществовавшего без принуждения более тысячи лет.

Макиавелли: Я объясню это тупостью и овечьим смирением. Это не угроза моей антропологии. Это часть моей антропологии.

Сократ: Но ты говоришь, что люди злы и эгоистичны. Даже если христианская религия глупа и основана на сказках, ее господство подразумевает, что человек добр и бескорыстен. С чего бы людям любить и сохранять у власти правителей, которые своими учениями требуют, чтобы люди жили прямо вопреки своей природе?

Макиавелли: Я не знаю, что происходит в их тупых головах, Сократ.

Сократ: Но в своей книге ты даешь совсем другой ответ. Ты написал: ***«Но так как государства эти направляемы причинами высшего порядка, до которых ум человеческий не досягает, то говорить о них я не буду; лишь самонадеянный и дерзкий человек мог бы взяться рассуждать о том, что возвеличено и хранимо Богом».***

Макиавелли: Ну… если ты хочешь благочестия – то вот оно.

Сократ: Я никогда не говорил, что я хочу благочестия – только честности. Я не Инквизитор, я философ. И самое льстивое описание этого отрывка, которое я могу придумать – это «отчаянный блеф», как карточный игрок блефует, когда уже почти всё проиграл. Можно дать этому и гораздо менее льстивую характеристику; слово, которое мне приходит в голову – «лицемерие».

Макиавелли: Почему ты не можешь воспринимать мои слова серьезно, Сократ?

Сократ: Что ж, давая я попробую, и посмотрим, что получится. Скажи мне, Никколо, большинство людей твоей цивилизации были католиками?

Макиавелли: Да. А на востоке – православными.

Сократ: И если бы ты, скажем, спросил первую попавшуюся тебе сотню человек, какой властью управляется христианский мир, то что бы они тебе ответили?

Макиавелли: Они будут считать, что знают ответ.

Сократ: И разве не все ответят примерно одинаково? «Божественное Провидение» или «Божественна благодать».

Макиавелли: Да.

Сократ: А понимают ли они вообще, что эти слова означают.

Макиавелли: Думаю, что очень приблизительно.

Сократ: Хотя бы некоторые?

Макиавелли: Да.

Сократ: И они понимают это своим разумом, пусть даже и приблизительно? То есть эти обычные христиане обладают обычным человеческим разумом. Так?

Макиавелли: Да.

Сократ: Но тогда твоя фраза «государства эти направляемы причинами высшего порядка, до которых ум человеческий не досягает» должна быть ошибкой. Так кто же это написал? Я стар и забывчив. Напомни мне.

Макиавелли: Я написал это, Сократ. Но из того, что они говорят, что знают, какая власть правит христианскими странами, вовсе не следует, что они и правда знают. И ты ведь сам всегда настаивал на различении знания и мнения или верования.

Сократ: Да. Так и есть. Что ж, давай рассмотрим и альтернативу – они не знают, но думают, что знают, какая же власть правит в церковных государствах. Здесь всего два варианта. Они верят, что знают это. И их вера либо истинна, либо ложна. Если истинна, то ими действительно правит Божественная благодать. Если ложна, то не Божественная благодать, а какая-то другая сила.

Макиавелли: Конечно. Но раз они не могут доказать своей веры, ты не назовешь это «знанием», но лишь «верой» или «верным мнением». И это очень важное различие для тебя, Сократ.

Сократ: И я не забываю об этом. Но самое важное различие здесь – не между знанием и верным мнением, но между верным мнением и ошибочным мнением, истинным мнением и ложным мнением.

Макиавелли: Почему это здесь самое важное?

Сократ: Потому что мы исследуем твою книгу и пытаемся понять твое учение, особенно основной закон твоей антропологии, твоей философии человека, помнишь? И наша добыча скорее прячется в кустах твоих предположений, чем бежит

по солнечным полям ясных утверждений. И я пытаюсь выманить ее своими вопросами.

Макиавелли: Так задавай же вопрос, Сократ.

Сократ: Пожалуйста. Скажи мне, в таком случае, каково же учение Церкви по этому вопросу – какая власть поддерживает ее? Церковь всегда была заметной общественной организацией, не правда ли? И когда она владела политической властью, землями, государствами, как в твои дни, и в свои первые годы мученичества, когда она была вне закона и преследовалась римскими императорами, она всегда была публичной и заметной силой, управляемой епископами, которые заявляли, что ведут преемство от апостолов Иисуса Христа. Так?

Макиавелли: Это исторический факт. Да.

Сократ: Так скажи же мне, каков ответ Церкви на вопрос о власти, поддерживающей ее публичный авторитет, ее видимую власть, вне зависимости от того, велика она или мала. Не утверждает ли она, что поддерживается Божественной благодатью? Или она поддерживается иной силой – невежеством, страхом и силой оружия?

Макиавелли: Церковь и утверждает, что это Божественная благодать. И массы народа верят в это – они сами, конечно же, не могли бы до этого додуматься.

Сократ: А ты утверждаешь, что Церковь лжет, когда заявляет, что ее власть основана на Божественной благодати?

Макиавелли: Нет, нет, я не еретик. Я просто сказал, что я не знаю.

Сократ: Ты сказал, что никто не знает.

Макиавелли: Да. Так я и сказал.

Сократ: Но Церковь заявляет, что она знает. И все эти христиане заявляют, что они знают, хотя они обычно не заявляют, что могут это доказать.

Макиавелли: Да, именно так.

Сократ: То есть ты с ними не согласен. Ты говоришь, что этого никто не знает, следовательно, и они не знают, и Церковь этого не знает, хотя заявляет, что знает.

Макиавелли: Ты уже логически доказал это. Каков же твой следующий вопрос?

Сократ: Каково определение еретика?

Макиавелли: Так ты Инквизитор под прикрытием! Я знал это. Как же умны эти обманщики. И я тоже купился. Да, Сократ!

Сократ: Уверяю тебя, я не Инквизитор. И не обманщик.

Макиавелли: Думаешь, я просто поверю твоему слову? А если бы я сказал тебе, что у меня нет кинжала в рукаве, ты бы поверил мне на слово? Насколько же наивным ты меня

представляешь?

Сократ: Я думаю, что ты настолько наивен, что думаешь, что то, чего ты не видишь, и вовсе не существует. Невидимая сила Божественной благодати и незаметная сила Дэ или нравственной власти у таких людей как Моисей, Иисус, буддийский монах или даже в меньшей степени Савонарола – ты не видишь ее, а потому думаешь, что ее не существует. Ты как ребенок, играющий в прятки, или как страус, прячущий голову в песок, практикуя философию «Если я этого не вижу, то его там и нет». Разве это не потрясающе наивно? Как может действительно практичный совет исходить от того, кто столь наивен?

7. Знание добра и зла

Макиавелли: Сократ, или кто бы ты ни был, ты поражаешь меня! Ты заявляешь, что я наивен, потому что утверждаю, что люди плохие, и ты заявляешь, что сам не наивен, потому что утверждаешь, что люди добрые! Вот что значит поставить здравый смысл с ног на голову!

Сократ: Я не говорю, что люди только хорошие, но ты говоришь, что они только плохие. Я принимаю зло во внимание, но ты не принимаешь во внимание добро. Вот почему я утверждаю, что ты наивен и склонен упрощать, а потому и неверно понимаешь всю сложность фактической картины. Ты заявляешь, что ты смелый первооткрыватель нового мира правды, но есть ли в твоих писаниях хоть одно открытие о человеческой природе, с которым я или другие мыслители древности уже не были бы хорошо знакомы? Ты заявляешь, что расширяешь наши горизонты, но на деле ты сужаешь их.

Макиавелли: О, возможно я чуть лишнего упростил картину. Это лишь вопрос пропорций. Я говорю, что человек преимущественно плохой, ты говоришь, что он преимущественно хороший. Но я уверен, что хорошие люди – это исключение, и что в обычном человеке, который не преступник, но и не святой, добра мало и оно слабое и намного легче преодолевается злом, чем зло добром.

Сократ: Ты говоришь, что человек, по крайней мере в большинстве случаев, зол.

Макиавелли: Да.

Сократ: Ты вынес этот приговор. Но согласно каким критериям?

Макиавелли: Как я уже и заявлял ранее, согласно моим наблюдениям над реальным человеческим поведениеми, во первых, в мое собственное время, и, во вторых, из тщательного

изучения истории.

Сократ: Ты не прояснил мой вопрос. Я спрашиваю не о твоих источниках информации, твоей «базе данных», но о тех критериях, которые ты применяешь, чтобы судить об имеющейся информации. Когда мы называем что-либо злом, мы все имеем в виду, что оно нарушает какие-то правила, законы, или не соответствует каким-то критериям. Так?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: Но критерии зла сами по себе являются хорошими, плохими или ни тем, ни другим? Какой из трех вариантов ты выберешь?

Макиавелли: Я не уверен, что понимаю, что ты имеешь в виду под этим вопросом.

Сократ: Ну, давай подумаем вместе. Если критерии зла сами по себе плохи, как они могут быть приемлемыми стандартами? Ведь очевидно, что невежество не может судить о невежестве по критериям, которые сами невежественны.

Макиавелли: Очевидно.

Сократ: Хорошо. Далее, что, если эти критерии и не хороши, и не плохи? К примеру, что если мы судим, хорошо или плохо богатому человеку добиваться места епископа, отдавая большую сумму денег римскому папе и покупая эту должность. Думаю, Церковь называет это «симонией». Так вот, что если мы судим о том, является ли симония злом, по тому, блестящие ли монеты или потертые; или итальянские это монеты или нет. Эти критерии не являются вопросами добра и зла, так ведь?

Макиавелли: Не являются.

Сократ: Тогда остается только критерий добра.

Макиавелли: Да.

Сократ: А чтобы пользоваться критерием, чтобы судить с его помощью, мы должны знать его. Так?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: То есть для того, чтобы понять, что человек зол, мы должны знать само добро – то добро, которое человек не делает, хотя и должен бы.

Макиавелли: Да.

Сократ: Это частичное добро или всецелое добро?

Макиавелли: Я не знаю. Меня раздражает подобные абстрактные рассуждения.

Сократ: Тогда давай посмотрим на конкретные факты. Ты когда-нибудь был школьником?

Макиавелли: Да.

Сократ: И учитель когда-нибудь проверял и судил о твоих знаниях или о знаниях других учеников?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: Предположим, учитель дал вам тест по математике из десяти вопросов. И предположим, что ты ответил верно на семь вопросов, а твои друзья – на восемь. В этом случае будет ли учитель судить о твоих знаниях по критериям твоих друзей?

Макиавелли: Нет.

Сократ: То есть критерий – это не 80%, а 100%?

Макиавелли: Да.

Сократ: Рассмотрим еще один пример? Или ты согласен, что критерием добра или зла может быть только совершенное добро?

Макиавелли: Но этот критерий существует только в нашем рассудке, когда мы выносим суждения. Но в реальном мире мы не можем ожидать, что кто-то будет совершенным, поэтому мы занижаем наши стандарты. Может, рассмотрим несколько примеров этого?

Сократ: Нет. Я согласен, что так мы обычно и поступаем. И ты согласился, что мы имеем в нашем сознании совершенный критерий, при помощи которого мы можем судить, насколько несовершенны вещи. Таким образом, когда ты говоришь, что человек плох, ты знаешь критерий, которым пользуешься – совершенное добро.

Макиавелли: Похоже, что так. Ну и что?

Сократ: Ты когда-нибудь видел совершенное добро в себе или в других?

Макиавелли: Конечно, нет!

Сократ: Ты когда-нибудь обнаруживал его в своих занятиях историей – в своем времени или в прошлом?

Макиавелли: Никогда! На этом я и настаиваю: все люди злы, одни больше других.

Сократ: И ты заявляешь, что все твои знания получены из опыта, не так ли? Или ты веришь в то, что твой рассудок может без опыта и ощущений напрямую знать правду, которая вечна, неизменна и однозначна?

Макиавелли: Думаю, что в это веришь ты, Сократ, а не я.

Сократ: Тогда откуда же ты знаешь совершенное добро?

Макиавелли: Но добро – это же не реальность. Это лишь идея.

Сократ: Она истинна? Предположим, я скажу, что совершенное человеческое добро – это иметь такой же вес, как у лошади, а ты скажешь, что я ошибаюсь. Кого-то из нас можно считать правым? Кто-то из нас говорит правду?

Макиавелли: Я.

Сократ: То есть мы можем знать правду о совершенном добре.

Макиавелли: Я в этом не уверен.

Сократ: Если мы не можем знать правду, то как же мы можем отличить ложь, как в том случае, когда я пытался ввести тебя в заблуждение примером с лошадью? Помнишь пример с учителем, оценивающим студентов?

Макиавелли: Ну хорошо. Итак, мы знаем идеальный критерий и знаем, что ни один человек ему не соответствует, что все люди плохи и злы, как я и сказал. Что дальше? К чему ты ведешь?

Сократ: Ты не замечаешь, как твоя философия человека применяется в твоей эпистемологии и в твоей метафизике?

Макиавелли: Я избегаю таких непрактичных тем, Сократ.

Сократ: Но ты не можешь этого сделать. Если, как ты утверждаешь, ты точно знаешь, что человек зол, то из этого логически следует, что твое знание не ограничивается только опытом, и что истина не ограничивается несовершенством, но также содержит и истинный критерий, который мы назвали совершенным добром.

Макиавелли: Я никогда не претендовал называться философом, Сократ. Моя книга не о таких предметах, и я думаю, что несправедливо с твоей стороны требовать от меня ответа на такие вопросы. Я был уверен, что мы здесь для того, чтобы исследовать мою книгу, а не ту книгу, что я не писал.

Сократ: Тогда вернемся к твоей книге.

8. Власть доверия

Сократ: Считаешь ли ты, что быть главой государства, правителем, во многом схоже с руководством бизнесом?

Макиавелли: Да. И читатель может найти множество практических советов по управлению обоими в моей книге. Конечно, есть и различия. Например, в бизнесе главное деньги, а в государстве – армия.

Сократ: Ты сказал бы, что тот совет, который ты даешь в конце третьей главы подходит как для бизнеса, так и для государства? Ты пишешь:

«Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество».

Макиавелли: Да. И в государстве и в бизнесе присутствует постоянное соперничество. Ты бы знал это, будь у тебя реальный опыт хотя бы в одном из них.

Сократ: Также ты советуешь государю самому пребывать на вновь завоеванной территории, как турки в Греции, потому что в этом случае «***страна не останется на разграбление твоим чиновникам***».

Макиавелли: Да.

Сократ: То есть ты советуешь государю никому не доверять.

Макиавелли: Да. Это логически следует из того закона, что все люди злы.

Сократ: Ты когда-нибудь слышал о таком термине в бизнесе как «микро-управление»?

Макиавелли: Нет. Но я могу догадаться, что он означает. Глава бизнеса не может передавать контроль своим подчиненным, но должен присутствовать во всех частях своего бизнеса, так же как государь должен присутствовать в своих колониях, иначе они восстанут или будут плохо управляться.

Сократ: И ты считаешь это хорошим практическим советом?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: Никакого доверия подчиненным?

Макиавелли: Никакого.

Сократ: Но что же может быть менее практичным? Только представь себе время, энергию и даже деньги, которые ты смог бы сохранить, если бы смог создать взаимное доверие в своем царстве. Подумай также, насколько твой совет ограничивает твою власть.

Макиавелли: Теперь это становится мне интересно!

Сократ: Ты сможешь успешно «микро-управлять» маленьким

бизнесом или небольшим государством, но с ростом размеров владений и желания расширить свою империю и свою власть, это будет становиться все более невозможным. Ты можешь постоянно наблюдать за двадцатью работниками, но ты лично не можешь контролировать двадцать тысяч. Для этого понадобятся подчиненные, которым ты можешь доверять. И чем больше твоя власть, тем сильнее она должна полагаться на доверие, а не на подозрительность.

Макиавелли: Я согласен, что это проблема, Сократ, но если все люди дурны и недостойны доверия, то здесь нет адекватного решения.

Сократ: Остается мой вариант. Но теперь взглянем на более широкое применение закона недоверия: твоя зависимость от страха и оружия, то есть от армии.

Макиавелли: О, я знал, что ты заговоришь об этом. Ты уже нацелился, как я вижу, на мой печально знаменитый закон «лучше, чтобы тебя боялись, чем любили», не так ли? Именно он первым делом шокирует моих читателей. Но подумай над альтернативой: ты хочешь управлять любовью государством? И армией? И полицией? Это невозможно и никогда не было возможным. И этот факт – лучшее подтверждение моей философии человека, того, что человек до основания плох – эгоистичен и склонен к соперничеству.

Сократ: Что ж, давай посмотрим на то, что ты сказал.

Макиавелли: Спасибо! Я буду это отстаивать, уверяю тебя.

9. Армия и законы

Сократ: Давай начнем с очень специфического и очень конкретного – с твоих военных советов в «Государе».

Макиавелли: В этом я чувствую себя наиболее уверенно!

Сократ: Ты хвалишь римлян в третьей главе, «ибо они знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее – к выгоде противника».

Макиавелли: Да.

Сократ: Ты имел в виду, то, что ее следовало бы избегать, но что ее невозможно избежать, так?

Макиавелли: Верно.

Сократ: Вероятно ты прав в отношении некоторых войн. Но считаешь ли ты, что ни одной войны невозможно избежать? Разве нет в истории примеров мирных договоров и союзов, которые были взаимно выгодны? Как может война быть более выгодной, чем мир? Мир сохраняет, а война уничтожает и богатство и людей обеих воюющих сторон.

Макиавелли: Конечно. Но человек зол, помнишь? Он предпочитает воевать, а не жить в мире. Мир надоедает ему. Все люди жаждут победы и славы.

Сократ: Если это верно, то я не человек, потому что не жажду этого.

Макиавелли: Хмм. Возможно, это объясняет многие твои странности, Сократ.

Сократ: Но уверяю тебя, я – человек. Я могу показать тебе моих родителей в качестве доказательства. Но не сейчас.

Макиавелли: Я шутил, Сократ.

Сократ: Ты можешь шутить надо мной, Никколо, но не над доказательством. Ты должен отвечать.

Макиавелли: Хорошо, возможно, я соглашусь, что некоторые люди не жаждут победы. Но большинство жаждет. И самый великий народ в истории – римляне – научили нас, как преуспеть в этом, если только мы сможем научиться на их неопровержимом примере. Я всегда считал конкретные примеры более неопровержимыми, чем абстрактные законы или аргументы. Ты не можешь спорить с успехом.

Сократ: И потому ты говоришь в своей 14 главе о военном деле ***«Итак, государь не должен иметь других мыслей и забот, не должен упражняться в ином искусстве, кроме военного дела, его постановки и изучения; ибо это единственное искусство, подобающее тому, кто правит».*** И далее в той же главе ты говоришь: ***«Поэтому государь никогда не должен отвращать своих взглядов от военного искусства, и в мирное время упражняться в нем следует еще больше, чем в военное».***

Разве это не еще одно громадное неудобство для того, кто ищет власти и хочет быть практичным? Предположим, что ты смог бы достичь всех целей, за которые ты вел войны, БЕЗ потери жизней и оружия, и времени, и энергии, и богатства – разве это не увеличило бы твоей власти? Если бы ты смог захватить крепость, или королеву, или корабль, или казну – с сотней солдат, не было бы глупым и неэффективным использовать тысячу?

Макиавелли: Верно.

Сократ: А что, если бы один солдат мог сделать это? Не было бы глупостью посылать сотню?

Макиавелли: Конечно. Но один никогда не справится.

Сократ: Но если и одного не понадобится? Что если ты сможешь достичь всех целей войны вообще без войны?

Макиавелли: Это невозможно.

Сократ: Никогда? Никакими средствами? История не знает таких примеров?

Макиавелли: Нет! Я знаю, о чем ты собираешься сказать,

Сократ: классический аргумент, что целью войны является мир или определенный вид мира. Затем ты скажешь, что иногда этой цели можно добиться только войной, иногда дипломатией или убеждением, иногда появлением общего врага или убийством или переворотом. Но я скажу, что человек не успокоится без войны, и ее цель – не мир, а завоевание и слава, и что война должна продолжаться, подобно тому, как живое тело должно убивать животных себе в пищу. Это закономерность человеческой природы, которая прекращается только со смертью.

Сократ: Итак, война должна продолжаться и расширяться вечно.

Макиавелли: До тех пор, пока не останется других миров, которые можно завоевать. Александр Македонский не погиб на войне, его уничтожил мир. И Рим был здоровым и растущим, пока империя росла завоеванием. Но когда варвары и персы остались за границами, и был провозглашен PaxRomana – Римский мир – империя начала разваливаться, как старый профессиональный воин, вышедший на пенсию и разжиревший.

Сократ: А какова же цель и задача завоевания посредством войны?

Макиавелли: Победа, конечно.

Сократ: Но это же лишь иное слово для обозначения завоевания. Для чего ты, или для чего мы, согласно твоей точке зрения, ищем победы или завоевания?

Макиавелли: Какой глупый вопрос, Сократ! Каждый хочет победы, как хочет жизни. Никто не хочет поражения.

Сократ: Конечно, это правда, по крайней мере, для большинства мужчин. (Интересно, что бы женщины сказали об этом?)

Макиавелли: О, пожалуйста, Сократ! Я уверен, что нам не стоит падать так низко, чтобы учиться у женщин.

Сократ: Я не стану отвечать тебе, потому что это шокирует тебя, а также потому, что это уведет нас далеко в сторону и надолго. Так ты говоришь, что победа, как и жизнь, является конечной целью самой себя.

Макиавелли: Да.

Сократ: Утверждаешь ли ты также, что вопросы о смысле жизни, цели жизни, конечной цели, summumbonum или величайшем благе – все это дурацкие вопросы, так как жизнь не имеет никакого смысла и цели, кроме ее самой.

Макиавелли: Почему же мне этого не утверждать?

Сократ: Потому что если это так, то жизнь была бы величайшим благом, и приносить ее в жертву на войне – было бы глупостью, а не славой и честью. И это было бы философией

трусов.

Макиавелли: Тогда я откажусь от нее.

Сократ: Тогда ты должен сказать, что жизнь, так же как и победа, с которой ты сравнил ее, не являются своей собственной целью, а имеют иную цель.

Макиавелли: Да. Соглашусь.

Сократ: Думаю, ты можешь угадать мой следующий вопрос.

Макиавелли: Ты спросишь меня, что же это за цель.

Сократ: Да.

Макиавелли: Сократ, ты меня удивляешь. Ты начинаешь с прекрасных и конкретных вопросов о правителях и армиях, а потом вдруг воспаряешь в такие туманные абстракции, и мы уже летаем словно ангелы и обсуждаем summumbonum! Ты… Ты…

Сократ: Никколо!

Макиавелли: Что?

Сократ: Ты не ответил на мой вопрос.

Макиавелли: Потому что я не верю, что должен на него отвечать.

Сократ: Почему?

Макиавелли: Потому что вопрос о величайшем благе – это вопрос о добре, о морали, об идеалах. А добро и зло в любом государстве определяется законом. А законы в любом государстве пишутся теми, кто имеет власть создавать законы. И эта власть приобретается силой оружия. Яиду к реальной причине, а ты, Сократ, витаешь вокруг конечной цели. И поэтому ты оказываешься нигде, как ребенок, играющий с тенью. Я говорю об армии, потому что именно в ней корень и причина власти, издающей законы и устанавливающей, что такое добро. Я знаю, что ты не согласен с моей философией, но ты, во всяком случае, должен оценить мою логику.

Сократ: Я не могу оценить того, чего я не вижу. Давай попробуем тщательно рассмотреть твою логику. Вот отрывок, в котором ты оправдываешь свой совет правителю постоянно думать об армии. Это в двенадцатой главе. ***«Ранее уже говорилось о том, что власть государя должна покоиться на крепкой основе, иначе она рухнет»***. (Пока это действительно звучит как хороший совет). ***«Основой же власти во всех государствах … служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы, поэтому минуя законы, я перехожу прямо к войску»***.Твое последнее предложение должно логически вытекать из предыдущих. Если верно, что ***«где есть хорошее войско, там хороши и законы»***, тогда мудро и практично обсуждать армию, а

не законы, потому что, как ты верно говоришь в первом предложении, основа должна быть крепкой. И если армия – это единственная основа государства, мы должны заниматься единственно ей. Если же есть другие главные основы (даже не единственные), то нужно и заниматься главным образом ими (хотя и не единственно).

Макиавелли: Так ты увидел и оценил мою логику, Сократ? И так как ты оценил мои предпосылки, то должен оценить и выводы. Твоя наука – логика – принуждает тебя признать мою науку – практическую политику.

Сократ: Давай не будем торопиться.

Макиавелли: Здесь нет непродуманных заключений, уверяю тебя.

Сократ: Теперь именно я буду настаивать на доказательствах, а не только на уверениях. Давай посмотрим вот на этот отрывок: ***«хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы»***.

Макиавелли: Ну, и?

Сократ: Эти два утверждения – о том, что ***«хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска»***, и о том, что ***«где есть хорошее войско, там хороши и законы»***- считаешь ли ты что они логически связаны?

Макиавелли: По мне, так вполне.

Сократ: Предположим, я скажу, во-первых, что там, где нет меча, не может быть и битвы на мечах, а, во-вторых, что там, где есть меч, обязательно будет схватка на мечах. Скажешь ли ты, что эти высказывания логически связаны?

Макиавелли: Они оба верны, если ты это имеешь в виду.

Сократ: Нет, я не это имею в виду. Я имею в виду следующее – считаешь ли ты, что одно высказывание можно логически вывести из другого?

Макиавелли: Я не очень силен в дедукции, Сократ. Я утверждаю, что оба высказывания верны, и это подтверждается индукцией, многочисленными наблюдениями.

Сократ: Понимаешь ли ты различие между достаточной причиной и необходимой причиной?

Макиавелли: Конечно. Отец – необходимая причина сына, но не достаточная, так как нужна еще и мать.

Сократ: Хорошо. Теперь посмотри на первое высказывание: ***«хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска»***. То есть, ты считаешь, что хорошая армия является необходимой причиной хороших законов. Так?

Макиавелли: Да.

Сократ: Но в твоем втором утверждении – ***«где есть хорошее***

войско, там хороши и законы» - ты утверждаешь, что хорошая армия является достаточной причиной хороших законов.

Макиавелли: Да. И оба утверждения верны, хотя второе и шире.

Сократ: И потому имеет больше шансов оказаться ложным, как в моем примере с мечом и битвой на мечах. Меч, конечно, является необходимой причиной битвы на мечах, но не является достаточной причиной. Нужен еще и человек, который сражается им.

Макиавелли: Конечно.

Сократ: И возможно, твое второе утверждение о войске и законах также ложное. Оно не вытекает из первого. Таким образом, мы должны прибегнуть к наблюдению.

Макиавелли: Именно это я и сделал.

Сократ: Но сделал ли ты это правильно? Ты забыл некоторые факты. История показывает, что изобретатели хороших законов только иногда имели хорошую армию, как римляне или Наполеон, но иногда не имели, как Моисей, Хаммурапи, Конфуций, Иисус и Американский конституционный конвент.

Макиавелли: Что?

Сократ: А, да. Ты об этом не мог знать.

Макиавелли: Можешь рассказать?

Сократ: В двух словах. Почти через три века после того, как ты умер, одно из лучших собраний законов сформировало великую нацию, названную в честь твоего друга Америго Веспуччи.

Макиавелли: Мне извинительно не знать будущую историю. Я ведь только человек, а не бог.

Сократ: О, нет причин извиняться. Ты не под судом. Да и я не мог бы быть судьей. Но вот твоя книга – под судом.

Макиавелли: Я понимаю.

Сократ: И теперь, когда ты отверг обвинение в личном невежестве, ты должен предполагать, что есть в твоей книге нечто, что нуждается в оправдании.

Макиавелли: Я предполагал это.

Сократ: А в оправдании нуждается правда или ложь?

Макиавелли: Ложь, конечно.

Сократ: Тогда я оставляю свои примеры.

Макиавелли: Но как я могу знать будущее?

Сократ: Моисей, Хаммурапи, Конфуций, Иисус – разве они были будущим для тебя?

Макиавелли: Нет. Это примеры из прошедшей истории.

Сократ: Тогда ты опровергнут прошедшей историей, в которой считал себя экспертом.

10. Любовь и страх

Макиавелли: Кого же еще из моих солдат ты поразишь своей картечью?

Сократ: Мои вопросы не похожи на картечь, так как картечь при выстреле поражает неприцельно.

Макиавелли: Похоже, что именно этимты и занимаешься. Ты говорил, что сначала исследуешь мою антропологию, и только потом мою этику, метафизику, эпистемологию и логику, ни в одной из которых я не претендовал быть учителем. Но ты уже затронул все эти вопросы, все из них, в то время, как предполагалось, что ты рассматриваешь только мою антропологию.

Сократ: Ничего не могу с этим поделать. Я должен следовать за аргументом, куда бы он ни вел. И он уводил нас и, безусловно, еще будет уводить во все эти аспекты философии, подобно улицам в городе. Но ни логика аргумента, ни мое следование за ней не бесприцельны.

Макиавелли: Но мы должны были сосредоточиться на философии человека, ведь именно в ней суть моей книги.

Сократ: Справедливо. А также мы должны сосредоточиться на главном законе, из которого вытекает практически всё в твоей книге. И этот главный закон, похоже, - все люди злы.

Макиавелли: Ты заявишь, без сомнения, что все мои заключения выведены из этой предпосылки, а не из фактов истории, как я заявляю. Ты, похоже не хочешь признать, что я не философ, а ученый, и что я делаю свои выводы путем индукции, а не дедукции.

Сократ: Я только следую тому, что ты написал. И ты определенно путем умозаключения, путем дедукции от своего главного закона пришел к этому выводу.

Макиавелли: Какому выводу?

Сократ: Что лучше, чтобы тебя боялись, чем любили.

Макиавелли: Я знал, что это привлечет твое внимание.

Сократ: Конечно знал, именно поэтому ты это и написал. «Шокирующий эффект» - думаю так это называется. Но это лишь мое предположение – я здесь для того, чтобы анализировать твои слова, а не твои мотивы. Вот он, наверное, самый знаменитый отрывок из всего, написанного тобой.

Макиавелли: Прежде чем ты продолжишь, не мог бы ты удовлетворить мое любопытство как историка?

Сократ: Только если это не отвлечет нас от отрывка.

Макиавелли: Не отвлечет, это связано с отрывком.

Сократ: Спрашивай.

Макиавелли: Похоже, ты знаешь многое из того, что случилось после твоей смерти, включая события моей жизни, например, всю историю с Савонаролой. Скажи мне, это мое высказывание поистине стало известным?

Сократ: Печально известным.

Макиавелли: Среди большинства людей?

Сократ: Похоже на то. По крайней мере, оно стало главной темой в популярном фильме «Бронкская история».

Макиавелли: А что такое «фильм»?

Сократ: На это сейчас нет времени. Мы должны вернуться к нашему делу. Мы должны рассмотреть твои слова из 17 главы:

«По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернуться. … Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно. … Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся -- по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого».

Я поздравляю тебя с замечательной ясностью и хорошим литературным стилем! Это делает мою задачу логического анализа выявления истины намного более легкой.

А теперь по поводу того, что ты здесь говоришь…

Макиавелли: Но я также говорил в следующем предложении ***«важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных»***.

Сократ: Да, но это не отменяет того, что ты сказал выше.

Макиавелли: Понимаю, что этот отрывок должен тебя шокировать, но он не о морали. И это можно сказать о всей книге. Я не стремлюсь рассказывать людям о том, что они должны или

не должны делать, но только о том, как устроена политика. «Государь» - это практика, а не теория; это политика, а не этика.

Сократ: О! Я понимаю. Мой вопрос не о том, насколько это этично, а о том, насколько это практично.

Макиавелли: Хорошо. И давай больше не будем так глубоко погружаться в философские теории.

Сократ: Но мы должны это делать. Должны ради тебя! Ты умозрительно выводишь свои практические выводы из своей общего представления о человеке. Ты безоговорочно утверждаешь: ***«о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны»***… и так далее. И снова ты говоришь ***«любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды».***

Макиавелли: Но эти предпосылки – не теория, это факт. Мои основные законы подобны научной формуле – они основаны на наблюдениях с добавлением инструментов исторической науки, и они ведут к практическим выводам – политической технологии, так сказать.

Сократ: Я понимаю. Но если по какой-либо причине твоя формула – твои предпосылки или твой основной закон – не является фактом, не верна или является полуправдой, тогда и ее практическое применение потерпит крах.

Макиавелли: И я это понимаю.

Сократ: Итак, ты не отвергаешь такой способ познания как дедукция, то есть умозрительное выведение заключений из наиболее общих принципов?

Макиавелли: Нет. Но у меня практические цели, а не теоретизирование. И я начинаю и заканчиваю конкретными вещами, а не обобщениями. Я начинаю с конкретных наблюдений и уже из них вывожу общие законы, а потом прилагаю эти законы к конкретным ситуациям из практики.

Сократ: Значит, вполне справедливо проверить,твой основной закон или формулу, которая связывает твои исходные наблюдения с финальными практическими рекомендациями, чтобы убедиться, не является ли твой основной закон слабым звеном в цепи. Считаешь ли ты, что твои формулы даже нельзя подвергать подобному рассмотрению?

Макиавелли: Нет, совсем нет.

Сократ: Тогда продолжим, коль мы договорились о логических правилах. Скажи мне, пожалуйста, насколько объемны и разнообразны те наблюдения человеческого поведения, на основе которых ты вывел свой основной закон, что все люди злы.

Макиавелли: Объемны, как мир, и разнообразны, как история.

Сократ: И во всем мире ты не нашел ни одного хорошего человека? Ты подобен кинику Диогену, который жил в бочке и ходил днем по рынку с фонарем в поисках честного человека.

Макиавелли: У меня нет ни бочки, ни фонаря, но у меня не больше веру в человека, чем у Диогена. Ты должен понять мое разочарование, Сократ, - разве ты самне провел всю жизнь в тщетных поисках мудрого человека?

Сократ: Это не одно и то же. И я все же понял, что может быть очень много мудрых людей; ведь мудр тот, кто понимает, что он не мудр. Но говоря о добре, ты утверждаешь, что его вообще нет в человечестве или все же немного есть? Будешь ли ты отрицать даже существование «воровской чести»? Или, что одни люди хуже других, а значит,вторые лучше, и имеют сколько-то добра, по крайней мере, перемешанного в них со злом?

Макиавелли: Скорее, немного есть.

Сократ: Насколько немного? Как мы можем измерить его? И как учесть это добро, пусть даже ничтожное, и его воздействие на поведение человека? Ты опустил это в своей книге, и потому я сомневаюсь, что она может быть практичной. Как можно называть себя реалистом, если ты отказываешься замечать часть реальности?

Макиавелли: Я допустил, что в человеке может существовать немного добра. Но я настаиваю на том, что зло намного сильнее. Особенно это заметно, когда тебе,подобно успешному правителю, приходится общаться с людьми. Я не пытаюсь решать вопросов, которые дети и философы, скучая, обсуждают в комфорте детских комнат или ученых кабинетов, вопроса о том, сколько в человеке добра, а сколько зла. Я оставлю этот вопрос философам. Я отвечаю на другой вопрос: я разъясняю успешному правителю, как контролировать человеческое поведение.

Сократ: Тогда, я думаю, тебе будет очень интересно узнать, что открыли ученые через пять веков после твоего времени. Это были ученые, изучавшие поведение человека, - вовсе не философы. И большинство этих ученых были атеистами, скептиками и материалистами. Они называли себя «бехейвиаристами», потому что их интересовало только изменение на практике человеческого поведения. Они обнаружили, что в изменении и контроле человеческого поведения любовь к поощрениям действует эффективнее, чем страх наказания. Это тебя не удивляет?

Макиавелли: Да, удивляет. Если только к тому веку человек не изменился и не стал воспитанным и цивилизованным.

Сократ: Да нет же! На самом деле тот век пережил самые массовые в истории убийства, организованные государством. (Их

назвали геноцидом).

Макиавелли: Сколько там было жертв?

Сократ: Более ста миллионов.

Макиавелли: Да, человечество не изменилось.

Сократ: Нет. И все же человек лучше отвечает на добро, чем на зло, на любовь, чем на страх.

Макиавелли: Я не понимаю, как это возможно. Но у тебя есть индуктивный аргумент в пользу любви, в то время как у меня – дедуктивный в пользу страха. И дедуктивный аргумент более надежен, чем индуктивный.

Сократ: Интересно, как ты меняешь свою позицию по поводу логического метода, только чтобы сохранить свою позицию в вопросе о любви и страхе! В чем же состоит твой дедуктивный аргумент?

Макиавелли: Вот, в моем последнем отрывке. Я говорю, что любовь людей к тебе контролируется их волей, а не твоей, потому для тебя она является частью «фортуны» (удачи), в то время как их страх перед тобой контролируется твоей волей, а не их, и потому является для тебя «vitru"(доблестью). Таким образом, закон успеха, гласящий, что нужно максимизировать «virtu»» и минимизировать «фортуну», подтверждает мой вывод о том, что тебе следует больше полагаться на страх, чем на любовь.

Сократ: То, чего ты хочешь, находится под твоим контролем, так?

Макиавелли: Да.

Сократ: И, следовательно, является частью «virtu»?

Макиавелли: Да.

Сократ: Но то, чего хотят по отношению к тебе люди, исходит из их воли, правильно?

Макиавелли: Да.

Сократ: И таким образом является частью «фортуны»?

Макиавелли: Твоей «фортуны».

Сократ: И ты отвергаешь золотое правило, предписывающее делать другим то, чего ты хотел бы, чтобы они сделали тебе?

Макиавелли: Отвергаю. Это хорошее правило для овец, но не для волков и не для правителей.

Сократ: Вместо него, ты предписываешь делать людям то зло, которое они могли бы сделать тебе.

Макиавелли: Да. Это мой закон успеха.

Сократ: То есть закон звучит не как «Делай другим то, что ты хотел бы, чтобы они сделали тебе», но как «Делай другим то, что они сделали бы по отношению к тебе, но сделай это первым».

Макиавелли: Ха! Ты прекрасно его сформулировал, Сократ! Мне нравится!

Сократ: И то, что в твоей воле- это «virtu», а что не в твоей – это «фортуна».

Макиавелли: Да.

Сократ: И тот вред, который другие хотят тебе нанести, является для тебя «фортуной», а не «virtu»?

Макиавелли: Да.

Сократ: Но тогда твое правило требует от тебя действовать согласно их воле, что является для тебя «фортуной», а не согласно твоей воле – «virtu». Не противоречит ли это твоему закону успеха, как максимизизации«virtu» при минимизации «фортуны»?

Макиавелли: Я не понимаю, как твоя крученая логика вывела это заключение, Сократ!

Сократ: О, думаю, ты понимаешь. Логика не была ни крученой, ни очень сложной, особенно для человека твоего ума.

Макиавелли: Но я не хочу золотого правила справедливости и равенства. И я точно не хочу жить по любви и милосердию. Я хочу, чтобы моя собственная свобода и власть делали то, чего хотят. И я утверждаю, что этого хочет каждый человек. Но я знаю способ, как этого достичь.

Сократ: Я знаю более легкий способ достичь этого.

Макиавелли: То есть ты признаешь, что каждый человек хочет этого?

Сократ: Свободы и власти делать то, чего мы хотим? Конечно, мы все хотим этого. Кто захотел бы быть порабощенным или бессильным?

Макиавелли: Тогда каков же твой более легкий способ добиться этого?

Сократ: Любовь. Если ты хочешь, чтобы «virtu» победила «фортуну», то почему бы не жить в любви?

Макиавелли: Это безумие! Любовь свободна, потому другие будут любить тебя, только если этого захочешь не ты, а они сами. Подобная жизнь – это максимальная зависимость от «фортуны», а не от «virtu».

Сократ: Нет, если ты хочешь именно любить, а не быть любимым. Ты же сам сказал, что «люди сами решают, кого им любить». Таким образом, жить в полной свободе и власти, всегда получать то, чего хочешь и не зависеть от «фортуны» – это жить в любви. Любить – всегда в твоей власти.

Макиавелли: Это безумие. Страх сильнее, чем любовь, намного сильнее.

Сократ: Правда? Что происходит, когда любовь входит в жизнь, которая раньше управлялась только страхом? Не изгоняет ли любовь страх?

Макиавелли: Я усиливаю свою волю не любовью, а мечем, который контролирует людей.

Сократ: И те, кто живет мечем, обычно и гибнут от меча, разве не так? Согласись же, Никколо! Ты же реалист и мирской человек. Ты знаешь, что это правда.

Макиавелли: Я не могу в это поверить. Ты пытаешься доказать, что святой сильнее тирана, убившего его. И ты хочешь заставить меня – человека, знающего мир, поверить, что это реалистично и практично?

Сократ: А почему нет? Многие испытали это на практике в реальной жизни.

Макиавелли: Но золотое правило жизни в справедливости и милосердии, которое превосходит справедливость, подходит только для некоторых частных людей, которые хотят стать святыми. Оно не для политики. Покажи мне хоть одно государство, управляемое милосердием. Покажи мне государство, управляемое святыми?

Сократ: То есть ты считаешь, что должно быть два критерия – для частной жизни и для общественной жизни, одно – для святых, второе – для правителей.

Макиавелли: Конечно, если только ты не потребуешь от меня определить, что такое религия и политика.

Сократ: То есть правитель должен следовать совсем не тем правилам, которым он хочет, чтобы следовали его подчиненные, а скорее полностью противоположным правилам?

Макиавелли: Конечно! Ведь если бы его граждане были бы такими же умными и беспринципными, как он, ему очень не просто было бы править ими. Он хочет, чтобы они вели себя спокойно, как овцы, в то время как он сам подобен волку.

Сократ: Но правитель – человек, не так ли?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: Как и все его граждане?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: То есть они представители не двух видов, как овцы и волк, а одного.

Макиавелли: Конечно. Это была только метафора.

Сократ: И представители одного вида имеют одну природу, правда?

Макиавелли: Верно по определению.

Сократ: То есть законы человеческой природы, на которые ты полагаешься, давая советы правителям, также свойственны и всем гражданам?

Макиавелли: Да.

Сократ: И потому они могут действовать так же, как он, хотя

овца никогда не может действовать так, как волк.

Макиавелли: Да, в теории…

Сократ: И те законы человеческой природы, которые правитель признает в гражданах и пытается с их помощью манипулировать ими, действуют и на него самого, не так ли?

Макиавелли: Да. Это власть, а не природа человека позволяет ему быть правителем и не позволяет его подданным делать то же самое. Правитель и подданные равны по природе, но не равны по власти и уму.

Сократ: Но ты сказал, что все люди злы, поэтому никому нельзя доверять. Ты говоришь, что всякий, кто хочет быть мудрым и успешным, должен использовать страх, а не любовь. И это совет базируется на общей человеческой природе, так?

Макиавелли: Да.

Сократ: То есть только невежество овец, а не недостаток чего-либо общего в человеческой природе, делает овец овцами. И только то знание, которому ты учишь в своей книге, позволяет правителю подняться над овцами и стать волком.

Макиавелли: Да. Моя книга – ключ к власти. Знание – сила. Знание – власть. Ты учил, что знание – это добродетель, это virtu, моральная virtu, овечья virtu. Я учу, что знание – это «virtu» – волчья «virtu» – власть.

Сократ: То есть, если твоя книга попадет не в те руки, она приведет к саморазрушению. Она научит овец, как стать волками.

Макиавелли: Ну, да. При определенных условиях…

Сократ: Почему же ты опубликовал ее? Почему ты искал славы? Почему ты поделился своей силой, своей властью, которым является твое знание? Почему ты действовал как тот, кто подчиняется золотому правилу?

Макиавелли: Хммм. Возможно, в глубине души я святой.

Сократ: Это уж точно не мне решать. Но и в святых, которых я встречал, и в других людях, а я, между прочим, встречал очень разных людей и мог наблюдать многие человеческие слабости и недостатки, встречал даже убийц, но ни в одном я не замечал того, что часто вижу на твоем лице.

Макиавелли: И что же это такое, что открыто твоему внутреннему взору как внешний знак Каина?

Сократ: Презрительная ухмылка.

11. Этика Макиавелли

Сократ: Ты еще здесь, Никколо?

Макиавелли: Как же я могу тут остаться после такого удара ниже пояса?

Сократ: Почему ты это так называешь?

Макиавелли: Потому что это не было логическим аргументом. Это было больше похоже на…

Сократ: Презрительную ухмылку?

Макиавелли: Ухмылка тебе не идет, Сократ.

Сократ: Только тебе?

Макиавелли: Ну… да. Но ты должен быть воплощением чистой логики без этих уловок с переходом на личности.

Сократ: Разве это уловка – дать точное описание лица оппонента? Разве зеркало – это уловка с переходом на личности?

Макиавелли: Я думал, что ты здесь для того, чтобы исследовать мою книгу, а не меня.

Сократ: Верно. Последнее может быть выполнено только двумя, и я к ним не отношусь.

Макиавелли: Двумя? Кем?

Сократ: Теми, кого у тебя не будет шанса избежать, кто вечно с тобой.

Макиавелли: Ты имеешь в виду Бога? Я все же попытаюсь. Но кто второй?

Сократ: Ты сам. Но ты прав. Нам следует рассматривать твою книгу. Сделаем обзор того, что мы уже поняли?

Макиавелли: Думаю, что у меня тут немного выбора.

Сократ: Мы оценивали твою философию человека, исходя из твоих же критериев, чтобы понять насколько она реалистична и практична. Мы выяснили, что многие из твоих практических выводов ты просто выводишь путём умозаключения из своего основного закона, гласящего, что все люди злы. Тем самым ты обесцениваешь многое из того, чему прежние мыслители придавали высокую ценность: общее благо, нравственная сила совести, власть святых, не имеющих оружия, доверия друзьям, любовь. По видимому, ты пренебрегаешь многим в человеческой природе, и тем самым не можешь быть реалистичным или верным реальности. С другой стороны, то, что ты подчеркиваешь – страх, сила оружия, разные виды человеческой слабости – это все реально, но ты не сделал ни одного наблюдения, которое не было бы знакомо древним, старым поклонникам морали типа меня или Моисея, Соломона, Иисуса, Мухаммеда, Конфуция, Будды и Лао-Цзы.

Это краткое изложение того, что я пока обнаружил. И меня поражает тот факт, что это сужение горизонта многим показалось смелым новым расширением горизонтов. Ты говоришь, что научишь нас, как быть плохими, в то время как древние учили нас только тому, как быть хорошими. Но мы всегда и сами знали, как быть плохими. Ты и сам это утверждаешь, говоря, что все люди

испорчены.

Макиавелли: Хммм.

Сократ: Это твой ответ на обвинение – «Хммм»?

Макиавелли: Мой ответ содержится в моих конкретных советах. Твои обвинения обобщенны и абстрактны. Я думал, что ты собираешься рассмотреть в деталях то, что я написал.

Сократ: Это именно то, чем я занимаюсь. Давай рассмотрим, что же именно ты говоришь о добре и зле. «О том, за что хвалят или порицают людей, особенно государей» - эту формулу ты используешь в названии 15 главы.

Макиавелли: Продолжай.

Сократ: Есть отрывок в третьей главе, затрагивающий ту же тему. Позволь мне сначала зачитать его:***«Поистине страсть к завоеваниям -- дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает свои возможности, все одобрят или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой. Франции стоило бы вновь овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами, но она не должна была добиваться его ценою раздела».***

Макиавелли: Я надеюсь, ты понимаешь, что это не рассуждение о нравственных обязательствах, а практический совет.

Сократ: Я думал, что это именно так, до тех пор, пока не прочел это.

Макиавелли: Я не понимаю, почему этот отрывок заставил тебя неверно понять мой совет не как практический, а как моральный? В той главе я рассуждал о военной стратегии, помнишь?

Сократ: То есть ты действительно разделяешь советы на два класса – моральные и практические.

Макиавелли: Да.

Сократ: И что ты имеешь в виду под каждым из них?

Макиавелли: Практический совет работает, он эффективен и соответствует конечной цели, какой бы она ни была, вне зависимости от того, будет ли она доброй, злой или нейтральной. И этот практический совет является объективным фактом, который мы можем открыть научными методами. И, следовательно, на этом мы можем закончить нашу дискуссию по этому поводу. Например, железный щит лучше медного. Египтяне не знали железа и из-за этого и проиграли войну с Ассирией. Если бы я давал совет правителю Египта, я бы сказал ему, что он должен добыть железо, сделать из него щиты, и использовать их в войне против Ассирии.

Сократ: Это очень мудро. А что же такое моральный совет?

Макиавелли: Моральный совет не может быть выведен наукой, и люди вечно спорили о добре и зле, но не в состоянии разрешить этот спор. Причина в том, что моральный долг– дело совести, которая сама по себе не является объективным фактом, а лишь субъективным ощущением. А разные люди и разные общества могут иметь разные ощущения по поводу того, что морально, а что нет. Например, самоубийство, убийство детей, аборты и педерастия многими в дохристианских обществах греков и римлян считались достойными занятиями, но христианская совесть считает, что все это мерзость и зло.

Сократ: Вопрос о том, являются ли нравственное добро и зло субъективными мы еще обсудим подробно. Сейчас достаточно и того, что ты выводишь это из своего понятия о практическом добре, то есть практической пользе.

Теперь, в свете этого разделения, ты заявляешь, что в том отрывке, что я зачитал, ты говоришь только о практическом добре, а не о нравственном. Верно?

Макиавелли: Именно так.

Сократ: Тогда давай же исследуем, что именно ты говоришь, и насколько это практично.

Макиавелли: Это справедливый вопрос, Сократ. Спасибо, что не критикуешь меня за недостаток нравственности, о которой я и не хотел говорить.

Сократ: Скажи мне, если бы ты был генералом и кто-то сообщил бы тебе, что вражеский генерал – пьяница и никогда не может протрезветь раньше, чем через час после восхода солнца, эта информация была бы практичной для тебя?

Макиавелли: Конечно. Эта информация помогла бы мне разбить его, напав на рассвете.

Сократ: А если бы тебе сообщили, что вражеский генерал является вражеским генералом, было бы это полезным?

Макиавелли: Конечно, нет. Эти пустые слова не дают мне никакой информации.

Сократ: Специалисты по логике называют такие пустые слова тавтологией. Предикат высказывания ничего не добавляет субъекту высказывания.

Макиавелли: Но какое это имеет отношение к отрывку, который ты зачитал?

Сократ: Терпение, пожалуйста. Скоро мы увидим связь. Предположим, что я сообщу тебе, что вражеский генерал является высшим военным командиром в противостоящей тебе армии.

Макиавелли: Это тоже не дает мне никакой новой информации, только новые слова, синонимичные старым.

Предикат утверждения просто повторяет его субъект, но другими словами.

Сократ: И подобные тавтологии никогда не имеют практического смысла. Так?

Макиавелли: Никогда.

Сократ: Теперь давай посмотрим, является ли твой совет практическим или тавтологией. Ты говоришь, что когда у человека не хватает умения получить то, что ему хочется, но он хочет добиться этого любой ценой, то он достоин осуждения.

Макиавелли: Да.

Сократ: И «Франции стоило бы вновь овладеть Неаполем, если бы она могла сделать это своими силами».

Макиавелли: Да.

Сократ: И это не нравственный совет, а практический.

Макиавелли: Правильно.

Сократ: То есть ты говоришь примерно следующее – «если бы нападение Франции было практичным, оно было бы практичным». И что желать чего-то непрактичного и недостижимого – непрактично. То есть для тебя «должен» значит «может» или то, что работает, а «не должен» значит «не может» или то что, не работает, то что плохо с точки зрения практической выполнимости, а не нравственности. Поэтому я не могу увидеть в твоем высказывании ничего, кроме тавтологии, которая совершенно бессмысленна.

Вот если бы ты говорил о нравственном благе и соотносил его с практическим благом (практической выполнимостью), то ты бы имел в виду, что когда человек добивается достижимой цели, то он не должен чувствовать никаких угрызений совести, потому что совершенно правильно и нравственно делать только то, что практически достижимо. Большинство твоих читателей посчитало, что именно это ты и имел в виду, и поэтому называли тебя сыном дьявола и другими нелестными именами. (На самом деле, твое имя не только связывали с дьяволом, но даже его самого называли «Старым Ником» в честь тебя, Никколо!). Но ты говоришь, что эти читатели неверно тебя поняли, потому что здесь ты говорил только о практическом благе.

То есть ты стоишь перед дилеммой – ты или аморальный или непрактичный. Сын дьявола или слагатель пустых слов-тавтологий.

Макиавелли: Я бы предпочел быть известным как сын дьявола, чем как слагатель пустых слов-тавтологий.

Сократ: А предпочел ли бы ты также БЫТЬ сыном дьявола, а не слагателем пустых слов-тавтологий?

Макиавелли: Я не могу ответить на это вопрос.

Сократ: Я не буду тебя заставлять. То есть в этом отрывке ты говоришь, что если можешь добиться чего-то, то должен это сделать. Можешь, значит должен.

Макиавелли: Эта формула хорошо звучит.

Сократ: А что, если мы перевернем эту формулу? «Должен, значит можешь». Она имеет то же приятное звучание, но теперь, я думаю, она более логична.

Макиавелли: «Должен, значит можешь». Ты имеешь в виду, что мы должны делать только то, что в нашей власти, а не за ее пределами?

Сократ: Именно. Ты очень хорошо сформулировал, Никколо.

Макиавелли: Но это тривиальная истина, тавтология.

Сократ: Возможно, и нет. Разве не существует людей, которые ощущают нравственную вину за то что не сделали то, чего и не могли сделать?

Макиавелли: Существуют.

Сократ: То есть это утверждение освободит их от чувства вины.

Макиавелли: Да.

Сократ: Тогда эта истина уже не тривиальна. А нет ли также философов, которые утверждают, что у нас нет свободной воли, но мы подобны механизмам, или что мы, говоря твоими словами, не больше как жертвы «фортуны».

Макиавелли: Есть.

Сократ: Тогда это высказывание опровергнет и их взгляды. Оно совсем не тривиально.

Макиавелли: Ты прав.

Сократ: На самом деле, через несколько сотен лет после твоей смерти философ по имени Кант использовал именно это утверждение и именно этот аргумент, чтобы доказать свободу воли. Однажды я поговорю и с ним о его книге. А теперь давай посмотрим на твою формулу «Можешь, значит должен». Ты здесь имеешь в виду практически должен или нравственно должен?

Макиавелли: Практически должен.

Сократ: А практично то, что возможно, то, чего ты можешь успешно достичь?

Макиавелли: Да.

Сократ: Тогда «можешь, значит должен» означает лишь «можешь, значит можешь». И это просто тавтология, не содержащая ни крупицы практически полезной информации.

Макиавелли: Тогда «должен» означает «нравственно должен».

Сократ: Тогда «можешь, значит должен» означает, что ты нравственно обязан сделать то, что можешь.

Макиавелли: Возможно, именно это оно и означает.

Сократ: Но тогда оно очевидно ложно. Успешный правитель **может** передать свою власть некомпетентным подчиненным, но это вовсе не значит, что он **должен** это сделать, должен морально или практически.

Макиавелли: Тогда эта формула не работает и я отвергаю ее, так как ни пустые тавтологии, ни ложные высказывания не являются практически полезными.

Сократ: Возможно, какая-то надежда у тебя еще есть. В конце концов, мы все еще пишем книгу, и не «Государя», а книгу твоей жизни.

Макиавелли: Ты имеешь в виду, что мы сейчас в книге?

Сократ: Да. Кто-то сейчас пишет этот разговор.

Макиавелли: Как странно!

Сократ: Вовсе нет. Это со мной уже случалось в Афинах.

Макиавелли: То есть мы реально не существуем? Мы – лишь литературные персонажи?

Сократ: Мы конечно существуем в реальности.

Макиавелли: Но ты сказал, что мы в книге.

Сократ: Да. Но **не только** в книге.

Макиавелли: О!

Сократ: Ты действительно сомневаешься в реальности своего существования?

Макиавелли: Я не хочу погружаться в подобные метафизические вопросы. Меня интересует другое.

Сократ: То есть тебя не интересует вопрос о том, реален ты или не реален?

Макиавелли: Сократ, ты чрезвычайно досадный маленький человечек.

Сократ: Должен ли я воспринимать это как твой ответ?

Макиавелли: Ты должен воспринять это как выражение того, чтосвоим вопросом ты вывел меня из терпения. Ты уверил меня, что мы будем исследовать мою книгу.

Сократ: Мои извинения. Поскольку время в этом мире практически не ограничено, то и привычка выходить из терпения здесь бессмысленна. Я здесь уже много веков и уже привык к этому. Но ты только что прибыл сюда, и у тебя еще сохранились прежние привычки. Я забыл об этом. Моя ошибка. Прошу прощения.

Макиавелли: Твое извинение очень оскорбительно.

Сократ: О, дорогой, то же самое они сказали о моей Апологии – защитительной речи в суде, которую я когда-то произнес в Афинах.

Макиавелли: Не могли бы мы вернуться к тексту «Государя»,

пожалуйста?

Сократ: Конечно. Мы рассматриваем твое мнение о добре и зле или, как ты это называешь, о том, за что человека хвалят или порицают.

Вот что ты говоришь об этом в главе 15, которая так и называется. Глава начинается так:

«Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам. Зная, что об этом писали многие, я опасаюсь, как бы меня не сочли самонадеянным за то, что, избрав тот же предмет, в толковании его я более всего расхожусь с другими. Но, имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной – в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знавал и не видывал. Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности».

То есть идеалисты учили людей быть хорошими и проигрывать, ты же учишь их, как быть плохими и побеждать.

Макиавелли: Точно.

Сократ: А нужно ли учиться тому, что уже присуще нам по нашей природе?

Макиавелли: Не нужно.

Сократ: Но ты говоришь, что человек зол по своей природе.

Макиавелли: Да.

Сократ: То есть человек уже по своей природе знает, как быть плохим.

Макиавелли: Получается так.

Сократ: Но что известно по природе, тому уже не нужно учить.

Макиавелли: Похоже на то.

Сократ: То есть то, как быть плохим, не нуждается в учителе. Мы всегда знали, как быть злыми.

Макиавелли: Получается так.

Сократ: Тогда зачем ты учишь этому?

Макиавелли: Чтобы научить государей преодолевать муки совести, которые мешают им быть злыми.

Сократ: То есть, чтобы они смогли воспользоваться знанием, которым обладают от природы?

Макиавелли: Да.

Сократ: Тогда ты несешь не новое знание, а новую бессовестность. Ты меняешь волю человека, а не его разум. Ты скорее проповедник, чем учитель – своего рода Савонарола навыворот, так сказать.

Макиавелли: Нет, это безумие! Я даю факты, а не проповеди.

Сократ: Что ж. Давай рассмотрим это твое заявление. Потому что оно стало твоим наследием в политической философии. После твоей смерти многие влиятельные политические философы восприняли ту основную мысль, о которой ты говоришь в этом отрывке, давая политике новое определение как «искусства возможного», в то время как до тебя философы считали политику частью этики, частью относящейся к общественным делам.

Макиавелли: Ага! Так я стал Колумбом политической философии! И название «макиавеллист» стало частью словаря всего человечества?

Сократ: Ну… несколько не в том смысле, как ты себе это представляешь.

Макиавелли: Но ты говоришь, что ко мне относились как к храброму открывателю нового мира, как к Колумбу.

Сократ: Да. Но остается вопрос, а обитаем ли этот мир.

Макиавелли: Но ты сказал, что мой революционный подход имел множество последователей в веках?

Сократ: Да, но не без изменений. Каждый пытался как-то обуздать твой радикализм. Например, англичанин Гоббс воспринял твой взгляд на человека как эгоистичное, подчиняющееся страху существо, и на войну как на естественное состояние человека. Он называл человека «скверным, обособленным, звероподобным и кратковременным»[15]. Но он добавляет в свою унылую картину нотки естественных прав. Даже более популярным был еще один англичанин – Локк, который также воспринял твое понимание человека как алчного существа, но полагал, что новая экономическая система, основанная на свободной конкуренции и капитале (ты назвал бы это ростовщичеством и выгодой), способна обеспечить вне-моральную замену нравственной добродетели и привести человечество к благополучной, счастливой и мирной жизни. Но он также добавлял и естественный моральный закон.

Макиавелли: Получается, что они лишь добавили комментарии, но я изменил сам текст. Не так ли? Прими это, Сократ. Я низверг твоего знаменитого ученика Платона, так? Не правда ли, что именно благодаря мне политика перестала

цепляться за «идеалы» и стала, подобно науке, крепко связана с реальностью?

Сократ: Не совсем.

Макиавелли: Еще остаются политические идеалисты?

Сократ: Да, но не такие, как ты думаешь. Две наиболее разрушительные политические философии XX века – марксизм и фрейдизм – обе исходили из новой «идеальной» концепции общественного человека, но эта концепция в корне не соответствовала реальной природе человека. В конце концов обе философии оказались поверженными, но лишь после того, как в погоне за их целью были уничтожены миллионы и миллионы людей.

Макиавелли: Ну, если что-то и может меня оправдать, то именно это. Да здравствует реальность! Долой идеалы!

Сократ: Именно это мы и должны сейчас рассмотреть – твое понимание реальности и идеала.

12. Метафизика Макиавелли

Макиавелли: У меня нет концепции идеала. Вот, что я обычно говорю идеалу: «Ты понимаешь Italianhandlanguage[16]?»

Сократ: Эта фраза теряет в переводе, но несложно догадаться о ее смысле. А вот, что ты говоришь об этом в своей книге. Ты противопоставляешь «то, чем вещи являются в реальной жизни» и «воображаемый мир», «воображаемые республики и принципаты, которые никогда не существовали».

Макиавелли: Верно.

Сократ: А когда ты говоришь о «воображаемых республиках и принципатах, которые никогда не существовали», ты, вероятно, прежде всего имеешь в виду «Государство» Платона. Верно?

Макиавелли: Да.

Сократ: И когда мы говорим о платоновских идеях, особенно об идее справедливости, которую Платон и пытался определить в «Государстве», мы должны иметь в виду это твое противопоставление реального идеальному, и называть идеи идеалом, а не реальностью. Верно?

Макиавелли: Да.

Сократ: А тот видимый мир, который Платон символически изображает как тени на стене, является ли для тебя реальным?

Макиавелли: Да. И когда я писал об этом, то никогда не использовал образ теней на стенах для описания реального мира. Я бы использовал символ теней как раз для описания платоновских идей или идеалов. Они существуют только в пещере его воображения. Платон вывернул мир наизнанку. Его

«образы в пещере» и есть настоящий мир, а его так называемый реальный мир за пределами пещеры есть лишь его воображение.

Сократ: То есть «реальность» и «истинный реальный мир» - это то, что мы видим; то, как люди действуютв мире, и то, что они делают. А «идеал» - это то, что мы воображаем или представляем себе, но не видим. Так?

Макиавелли: Да, точно.

Сократ: То есть реально только то, что мы можем увидеть?

Макиавелли: Да. То, что кто-либо может увидеть.

Сократ: То, что мы можем увидеть, имеет цвет и форму. Верно?

Макиавелли: Вероятно, так.

Сократ: А добро и зло имеют цвет? Является ли добро, например, зеленым, а зло – красным? Или есть ли у них форма? Является ли добро квадратным, а зло – круглым?

Макиавелли: Конечно, нет. Это ж глупо!

Сократ: То есть добро и зло не реальны? Реальность не включает в себя добра и зла?

Макиавелли: Да, это тот вывод, к которому я прихожу. Добро и зло существуют только в нашем воображении, или в мышлении, или в нашей воле, или в наших чувствах. Но не в реальном мире.

Сократ: То есть «не существует ничего доброго или злого, это лишь наше мышление создает добро и зло».

Макиавелли: Мудрое высказывание. Жаль, оно сразу не пришло мне в голову. Хотя, точнее было бы сказать не мышление, а воля, и, прежде всего, власть, способная подчинить чью-то волю. Именно она создает добро и зло. Ибо тот, кто способен создавать законы, этими законами и определяет добро и зло. Именно поэтому, я и считаю, что армия важнее законов, потому что причина важнее следствия.

Сократ: То есть жестокий тиран, устраивающий незаслуженные пытки и убийства невинных, совершает зло в том случае, если найдется другой правитель, который захватит власть и издаст законы, провозглашающие действия тирана злом. Но эти пытки и убийства будут добром в том случае, если власть издавать законы остается у тирана, и он объявляет свои несправедливости справедливыми, а невиновных виноватыми.

Макиавелли: Это звучит шокирующе, но это правда. Законы создаются победителями. Законы рукотворны, а не являются реальностью, существующей изначально.

Сократ: Ты имеешь в виду нравственные законы, а не закон успеха. Закон же успеха ты считаешь реальностью, когда пытаешься объяснить, почему жестокий тиран Агафокл

процветал, в то время как другие тираны пали.

Макиавелли: Да, это верно.

Сократ: Разреши мне процитировать восьмую главу, озаглавленную «О тех, кто добился власти злодеяниями». Вот твоя мудрость о реально существующем естественном законе успеха:

«Кого-то могло бы озадачить, почему Агафоклу и ему подобным удавалось, проложив себе путь жестокостью и предательством, долго и благополучно жить в своем отечестве, защищать себя от внешних врагов и не стать жертвой заговора со стороны сограждан, тогда как многим другим не удавалось сохранить власть жестокостью даже в мирное, а не то что в смутное военное время. Думаю, дело в том, что жестокость жестокости рознь. Жестокость применена хорошо в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных; и плохо применена в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже. … Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше».

Макиавелли: Если уж и это не практическая мудрость, то я не знаю, что и сказать.

Сократ: О! Не сомневаюсь, что это именно она и есть.

Макиавелли: И она не претендует на то, чтобы быть нравственной мудростью.

Сократ: Не претендует.

Макиавелли: Так что же в ней может быть немудрого?

Сократ: Вероятно, она все же нереалистична.

Макиавелли: Ты же сказал, что не сомневаешься в ней.

Сократ: Я сказал, что не сомневаюсь в ее практичности. Практично то, что работает, когда применяешь это на практике. Реалистично то, что соответствует реальности.

Макиавелли: И в реальном мире мой совет работает. Я не проповедую, я не учу людей, совершать ли им нравственное зло или нравственное добро. Все, что я делаю, это рассказываю, что в реальном мире маленькое зло всегда работает лучше, рассказываю как и почему это происходит. И это полностью соответствую реальности.

Сократ: Это соответствует реальности лишь в том случае, если мы примем твои основные допущения.

Макиавелли: Я не делаю никаких допущений.

Сократ: Делаешь. И должен делать. Твои допущение – метафизическое.

Макиавелли: Я сторонюсь любой метафизики.

Сократ: Ты хотел бы этого, но у тебя на получилось. Да и это невозможно. Например, в твоем последнем аргументе ты делаешь допущение, что реальный мир – это только то, что мы видим. Это метафизическое допущение, допущение о том, какова реальность.

Макиавелли: Но это не метафизическое допущение!

Сократ: Оно доказано? Или у тебя есть аргументы в его пользу?

Макиавелли: Нет…

Сократ: Тогда это допущение.

Макиавелли: Но это не метафизическое допущение. Проклятье! Я политический ученый, а не метафизик. Я антиметафизик.

Сократ: Что такое метафизика?

Макиавелли: Витание в облаках, оторванное от реальности.

Сократ: Ты опять делаешь метафизическое допущение о том, насколько далеко простирается реальность. Ты понимаешь под реальностью видимый мир, так?

Макиавелли: Да.

Сократ: Но многие иначе понимают реальность. Многие считают, что реальность включает в себя и нравственность, и моральные ценности, и законы, и добро.

Макиавелли: Они все ошибаются. Все это субъективно, а не объективно. В объективность этого верили только идеалисты.

Сократ: Может, и так… может, и так. Но в любом из двух вариантов это метафизика. Метафизика – это просто учение о том, чем же является реальность. И сейчас ты не соглашаешься с идеалистами по этому вопросу. Тем самым, ты затрагиваешь метафизику.

Макиавелли: Хммм.

Сократ: В этом междометии скрывается какой-то аргумент?

Макиавелли: Я не спорю. Я выражаю недовольство.

Сократ: А можешь ли ты перевести свое недовольство в что-то похожее на аргумент?

Макиавелли: Ты обещал исследовать мою книгу!

Сократ: Мне казалось, что я этим и занимаюсь. Или «Государь» - не твоя книга? Это плагиат?

Макиавелли: Я написал книгу по практической политике, а ты экзаменуешь меня по метафизике. Я пытался лишь оздоровить политику, а не дать ей определение. Проклятье, Сократ! Я врач, а не метафизик!

Сократ: Мне казалось, я уже показал тебе, что ты делаешь метафизические допущения, и в чем они заключаются.

Макиавелли: Почему ты навязываешь мне свои метафизические рассуждения вместо моих политических? Это так же несправедливо, как еслибы яискал политические допущения в твоих метафизических аргументах о бытии и становлении.

Сократ: Я ничего не навязываю, я только выявляю. Это задача философа – искать, выявлять и проверять предположения.

Макиавелли: Но я политический ученый!

Сократ: И что?

Макиавелли: Ученые ничего не предполагают. Предполагают философы.

Сократ: Это не так. На самом деле все как раз наоборот – именно философы задают вопросы ученым о их предположениях и допущениях, а не наоборот.

Макиавелли: То, что ты нашел одно метафизическое допущение, еще не доказывает твоего основного закона. Вероятно, каждый вынужден сделать одно метафизическое допущение. Можем мы перейти от одного ко многому – от исключения к правилу? Моя книга полна практической политики, а не метафизики.

Сократ: О! Но она полна метафизики! Вот, например, еще одно метафизическое допущение, которое ты делаешь. В том отрывке, где ты критикуешь традиционную ценность щедрости, ту ценность, которая одинаково почитается и язычниками и христианами, например, и Аристотелем в его «Никомаховой этике» и Евангелиями. Ты пишешь в 16 главе:

«Ничто другое не истощает себя так, как щедрость: выказывая ее, одновременно теряешь самую возможность ее выказывать и либо впадаешь в бедность, возбуждающую презрение, либо, желая избежать бедности, разоряешь других, чем навлекаешь на себя ненависть».

Макиавелли: Но здесь нет предположений и, определенно, здесь нет никакой метафизики. Это простое наблюдение о том, что если у меня есть тысяча золотых, и из щедрости я буду раздавать их, чтобы сделать других богаче, то вскоре я потеряю возможность быть щедрым, так как я раздам все свое золото. То же самое можно сказать и о власти, армии, землях, и даже о чести и славе. Если делить что-то, то оно уменьшается, по крайней мере, если это касается собственности и контроля. Вывод очевиден: чем более ты щедр, тем меньше у тебя возможностей для проявления щедрости.

Сократ: Это справедливо в отношении материальных благ. Они уменьшаются при делении. Но уменьшаются ли при делении

мудрость, любовь, доверие, симпатия, красота, знание? Становится ли учитель невежественным, если он делится знаниями со своими учениками?

Макиавелли: Нет…

Сократ: То есть ты опять предполагаешь, что только материальные вещи реальны, хороши и важны. И это метафизическое допущение материализма.

Макиавелли: Но это не моя метафизика. Это лишь мой научный метод. Наука не может познавать невидимое.

Сократ: Тогда это твоя эпистемология, твой ответ на вопрос «Как мы можем познать реальность?»

Макиавелли: Хорошо. Пусть это будет моей эпистемологией. Что угодно, только не метафизика!

Сократ: Хорошо. Давай ее и рассмотрим.

13. Эпистемология Макиавелли

Сократ: В 15-й главе «Государя» ты противопоставляешь «правду, не воображаемую, а действительную» воображаемым государствам. То есть государство, изображенное Платоном, ты и считаешь воображаемым?

Макиавелли: Да. Именно его я и имел в виду.

Сократ: Давай рассмотрим подробнее, что же ты имел в виду. Как ты думаешь, можем ли мы представить себе дерево?

Макиавелли: Конечно.

Сократ: Потому, что мы уже видели его ранее, или потому, что мы можем видеть дерево, находящееся внутри нашего разума?

Макиавелли: Что ты имеешь в виду?

Сократ: Если мы никогда не видели дерева, то сможем ли его представить?

Макиавелли: Нет.

Сократ: Тогда мы можем представить только то, что уже видели.

Макиавелли: Да. Ощущения дают нам познать то, что вовне нас.

Сократ: Можешь ли ты представить себе золотое дерево, дерево из золота?

Макиавелли: Да.

Сократ: Это потому, что ты раньше видел и дерево и золото, а потом соединил их в своем воображении?

Макиавелли: Да.

Сократ: То есть в данном случае мы можем выделить три процесса: восприятие, представление в уме того, что мы восприняли, и воображение чего-то, что мы никогда не видели, при котором мы соединяем части того, что уже видели в нечто новое.

Макиавелли: Да. Это понятно. Зачем мы занимаемся этим абстрактным философствованием, этой теорией познания? Она настолько же абстрактна, насколько и метафизика. Почему просто не рассмотреть книгу, которую я написал?

Сократ: Потому что в твоей книге есть эпистемологические допущения, так же как и метафизические допущения.

Макиавелли: Хммм.

Сократ: А теперь прекрати дуться и скажи мне, должны ли все вещи, которые мы можем вообразить, иметь качества, которые мы можем воспринять через наши ощущения, такие как цвет и форму?

Макиавелли: Да.

Сократ: А следующие вещи имеют цвет и форму? Истина, добро, справедливость, число, музыка, рассудок, чувство, акт воли, сила воображения, посредством которой ты представлял золотое дерево.

Макиавелли: Ни одна из этих абстрактных концепций не имеет ни цвета, ни формы.

Сократ: Если это так, то ничто из этого невозможно вообразить.

Макиавелли: Согласен.

Сократ: Но можем ли мы их познать?

Макиавелли: Я скептически отношусь к возможности познать их. Особенно, если мы имеем в виду истинное познание, а не просто игру концепций.

Сократ: Но ты сказал мне, что у этих вещей нет ни цвета, ни формы.

Макиавелли: Сказал.

Сократ: У квазара есть цвет или форма?

Макиавелли: Не имею ни малейшего представления. Что такое квазар?

Сократ: Ты не знаешь, что такое квазары, и потому не знаешь, каковы их характеристики, такие как цвет или форма. Но ты точно знаешь, что нет ни цвета, ни формы у тех девяти вещей, что я перечислил.

Макиавелли: Хорошо. Кое-что я о них знаю.

Сократ: То есть ты знаешь кое-что об этих вещах, несмотря на то, что у них нет ни цвета, ни формы, и, следовательно, их нельзя ощутить нашими чувствами и представить.

Макиавелли: Наверное, так.

Сократ: И когда ты говоришь ***«многие авторы изобразили республики и государства, каких в действительности никто не знавал и не видывал»***, ты имел в виду «Государство» Платона – книгу, которая пытается дать определение справедливости – идеальной справедливости, высшей справедливости.

Макиавелли: Да.

Сократ: Которой не существует и которую никто не видел.

Макиавелли: Верно.

Сократ: Но если ее невозможно увидеть, как ее можно вообразить?

Макиавелли: Я не могу.

Сократ: Тем не менее, ты назвал такую книгу «воображаемой».

Макиавелли: Я просто имел в виду «нереальной». Ее даже нельзя назвать «воображаемой» в том смысле слова, о котором мы

говорили. У справедливости нет ни цвета, ни формы, поэтому ее нельзя вообразить.

Сократ: Но ты говоришь, что то, о чем писал Платон, ***«в действительности никто не знавал и не видывал»***. Но о справедливости многое было известно, хотя никто ее и не видел. И многое было о ней написано, и некоторые даже отразили кое-что верно – ты, например.

Макиавелли: Но это не настоящее знание. Это измышление.

Сократ: То есть ты утверждаешь, что только те ощущения, которые мы способны испытать на опыте, могут давать истинное знание?

Макиавелли: Да.

Сократ: И истинное знание ограничено этим чувственным опытом и тем, что мы можем себе представить на основе чувственного опыта. Так?

Макиавелли: Да.

Сократ: Будущие философы назвали бы тебя «эмпириком».

Макиавелли: Хорошо. Палки и камни могли бы переломать мне кости, но, то, как меня назовут, не может мне навредить.

Сократ: Как же ты вообще можешь говорить о справедливости, добре и зле, если ты не веришь, что в дополнение к внешнему зрению наш разум обладает еще и внутренним зрением?

Макиавелли: О! Я не отрицаю разум.

Сократ: Чем же он, по твоему, является?

Макиавелли: Он способен считать, выводит умозаключения из общих законов (дедукция) и обобщать отдельные наблюдения (индукция). Но все, что можно посчитать, дается через ощущения.

Сократ: То есть разум – это слуга или разведчик наших ощущений?

Макиавелли: Да.

Сократ: А не наоборот? Не подобен ли разум королю, который посылает своих слуг – ощущения – разведывать свое королевство и приносить королю информацию, о которой он и судит?

Макиавелли: Это возможно в философии, но невозможно в науке. В науке данные определят теорию. Не идеи судят данные, полученные через ощущения, а наоборот. Моя книга – это наука – историческая и политическая.

Сократ: Понимаю. Именно поэтому ты всегда противопоставляешь идеи и ощущения, получаемые через опыт, и всегда на первом месте ставишь ощущения.

Макиавелли: Да.

Сократ: Например, в начале главы 18 – «Каким образом

государям следует держать слово» - в которой ты оправдываешь ложь и предательство друзей, обещаний и союзников, ты противопоставляешь знание и чувственный опыт. Ты пишешь: ***«Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность»***.

Макиавелли: О, я знал, что ты будешь критиковать это, Сократ! Ты скажешь, что мученик превосходит своего мучителя, бедный святой – богатого грешника, честный гражданин – правителя, который обманывает и порабощает его, потому что ты, как и Платон, больше заботишься об успехе в загробном мире, подобном этому.

Сократ: На самом деле Платон в «Государстве» старался доказать, что справедливость всегда выгоднее несправедливости именно в **этом** мире, даже если бы загробного мира не существовало.

Макиавелли: Тогда то, о чем говоришь и ты, и Платон – это добродетель, а не счастье или успех или прибыль.

Сократ: На самом деле, именно счастье более всего интересовало Платона. Он стремился доказать, что добродетель, особенно справедливость, - причина счастья, то есть что справедливость всегда более прибыльна, чем несправедливость.

Макиавелли: Ну, тогда вы скорее имеете в виду душу, чем тело.

Сократ: Конечно! А разве ты заботишься не о душе? Разве не в ней пребывают счастье и осознание успеха? Или счастливы твои ногти? Может ли тело быть счастливым? Но я не хочу сейчас это обсуждать. Мы сейчас рассматриваем твою эпистемологию. Хотя очень легко увлечься и начать преследовать другую добычу – все звери в этом лесу перемешаны – твоя антропология, твоя метафизика, твоя этика, твоя эпистемология. Мы не можем разделить этих животных, если позволим им бежать свободно. Мы можем разделить их, только если поместим в наши искусственные клетки. Поэтому мое исследование твоей практической политики не может избежать исследования остальных аспектов твоей философии.

На самом деле, последнее, что ты затронул в этом отрывке, была снова антропология. (Мы никогда далеко не отходили от антропологии, когда рассматривали твою метафизику или этику или эпистемологию).

Вот еще один отрывок из 18 главы, памятный многим читателям:

«Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. … Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам … Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же».

Макиавелли: Не забывай, Сократ, что я здесь говорю о практической пользе. Я утверждаю лишь, что иногда обещания стоит нарушить, чтобы добиться успеха, а иногда даже с целью выжить.

Сократ: Давай попробуем разобраться, понимаю ли я тут ход твоей мысли. К примеру, считаешь ли ты, что христиане второго века, которые обещали никогда не совершать идолослужения, должны были нарушить свое обещание, когда римский император предоставлял им выбор – или поклониться императору как богу, или быть скормленными львам в Колизее.

Макиавелли: Конечно, это очень яркий пример конфликта морального долга и практической пользы. Но я рассуждал об обещаниях, данных людям, а не Богу. Это подтверждает последнее предложение, зачитанное тобой.

Сократ: (зачитывает) …. ***«Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово».***

Макиавелли: Потому что если бы все люди были добрыми, они никогда не стояли бы перед вероятностью выбора между мученичеством и идолослужением. Но подобная ситуация возможна только в идеальном мире, а не в реальном.

Сократ: (зачитывает) … ***«если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же».***

Макиавелли: Вот. Об этом я и говорю. Уверен, что это шокирует тебя, Сократ. Ты опровергнешь это свое проповедью или изощренным метафизическим аргументом?

Сократ: Ни то, ни другое… Изучая видимое.

Макиавелли: Не может быть! Это мое поле битвы.

Сократ: Ты говоришь, что все люди дурны и не держат слова. Но определенно, некоторые люди держат слово.

Макиавелли: Очень немногие. Подавляющее большинство не

держит своего слова.

Сократ: То есть твое предписание зависит от того, что существует больше тех, кто не держит слова, чем тех, кто держит?

Макиавелли: Оно зависит не столько от объективного факта, что существует некоторое количество обоих, но на том субъективном факте, что никогда невозможно точно знать заранее, сдержит человек свое обещание или не сдержит.

Сократ: То есть это твое предположение – что ты этого не знаешь.

Макиавелли: Да.

Сократ: В этом предположении неверная эпистемология.

Макиавелли: Что? Чем тебе не угодила моя эпистемология?

Сократ: Ты эмпирик. Я соглашусь с тобой в том, что невозможно познать характер человека исключительно через внешние ощущения. Но безусловно существуют иные способы познания человеческого характера.

Макиавелли: Я не знаю ни одного другого.

Сократ: О! Тогда тебе точно никогда не стать успешным государем.

Макиавелли: Ты, кажется, путаешь «успешного» с «наивным».

Сократ: Ни в коем случае. Я считаю, что «успешный» - это «реалистичный».

Макиавелли: И я так думаю.

Сократ: И я считаю, что «реалистичный» значит, знающий, **что**именно существует реально, и действующий в соответствии с этим.

Макиавелли: Согласен. Но я не стану включать в свое определение реальности некое идеальное сообщество, существующее помимо и поверх реального.

Сократ: Но знаешь ли ты то сообщество, которое ты называешь реальным? Знаешь ли ты, что ни одно сообщество не может существовать без обещаний? (Я имею в виду и заключение обещаний, и выполнение их, и доверие другим в том, что они их выполнят). Какое общество когда-либо могло существовать на недоверии? Общество должно связывать человека с человеком, и прошлое с будущим. А как можно этого добиться без веры в обещания?

Макиавелли: О, я знаю все это, Сократ.

Сократ: Тогда зачем же ты даешь такой совет, что если ему последовать, то это однозначно разрушит сообщество, вместо того, чтобы укрепить его. И как ты можешь называть подобный совет практичным?

Макиавелли: Потому что моя книга была написана не для всех, как «Государство» Платона – Respublica, что переводится как

«общее дело» - но для одного государя. Ты и сам это заметил, когда сравнивал названия книг - моей («Государь») и Платона («Государство»). «Государь» написан не для массового потребления.

Сократ: То есть для того, чтобы твоя книга работала, все граждане должны верить лжи, и только правитель один должен знать правду о том, что никому нельзя доверять?

Макиавелли: Да, примерно так. Если бы овцы были лисами, пастух не смог бы содержать их в порядке и благоденствии. Не смог бы пастух этого сделать и в случае, если бы сам был овцой.

Сократ: И ты называешь это единым сообществом, не смотря на то, что пастух и овцы, государь и народ имеют столь разные философии?

Макиавелли: Если бы мрачная и открытая лишь немногим мудрость не была знакома государю, он бы не смог стать успешным правителем. И если бы подданные не верил в простую и открытую всем наивность, они бы не верили ни друг другу, ни государю.

Сократ: Твой государь выглядит как представитель другого биологического вида, он превосходит в мудрости свой народ как лиса овец.

Макиавелли: Как Платон является королем среди философов. И хотя открытая немногим мудрость платоновской философии почти полностью противоречит моей, мы оба видим необходимость в резком различии между правителем и народом. Но чувствую, ты не согласен.

Сократ: Не согласен.

Макиавелли: Потому что ты слишком наивен и оптимистичен по поводу человечества.

Сократ: Потому что я не наивен. Я знаю, что власть портит людей. В своей жизни я видел очень испорченную демократию, испорченную олигархию и множество испорченных тираний.

Макиавелли: Но ты был убит демократией, а не государем.

Сократ: Верно.

Макиавелли: То есть ты должен согласиться с Платоном, что демократия есть наихудший способ правления.

Сократ: Нет. Я не согласен.

Макиавелли: Потому что твоя вера в человечество так сильна, что ты хочешь отдать власть в руки всех, даже если это овцы?

Сократ: Нет. Потому что моя вера в человечество так сильна, что я не хочу отдавать власть в руки любого правителя.

Макиавелли: О! Мне нравятся твои предпосылки, но не твой вывод.

Сократ: Боюсь, что правитель будет думать о себе как о боге.

Макиавелли: Да, иногда он подобен богу. Но такой бог может служить своему народу и даже страдать за него, особенно если он воспитан на христианских ценностях.

Сократ: Я бы хотел, чтобы ты прочел небольшую фантазию, написанную о правителе через несколько веков после твоей смерти. Она называлась «Великий Инквизитор». В ней автор – Федор Достоевский – представляет, что Христос вернулся на землю в Испании и был арестован Инквизицией.

Макиавелли: Ого! Какая замечательная сатира!

Сократ: Инквизитор спорит с Ним и утверждает, что именно он – Торквемада – гораздо более христианский правитель, чем Христос, и более милосердный, потому что держит своих овец в послушании и в благополучии, в то время как Христос делает их несчастными из-за угрызений совести и возможности свободного выбора.

Макиавелли: Знаешь, в чем-то он был прав…

Сократ: Я ожидал, что ты скажешь это. Твой государь звучит удивительно похоже на Великого Инквизитора.

Макиавелли: Но возвращаясь от фантазии к реальности, я доказываю, что для государя необходимо быть лисой и не всегда хранить свои обещания, потому что другие правители не всегда хранят свои. Я пишу:

«А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером».

Сократ: По этому поводу через несколько веков появится популярная песня – «Великий притворщик» (The Great Pretender).

Макиавелли: То есть моя мудрость была признана всеми через эту песню?

Сократ: Вообще-то, нет. Песня не была настолько популярной.

Макиавелли: Была ли это песня об удачном политике?

Сократ: Нет, это была песня о неудачной любви.

Макиавелли: Но мой совет стал известным?

Сократ: Печально известным, точнее сказать. Самым верным для обозначения притворщика будет то слово, что ты употребил – «лицемер». По крайней мере, это слово использовалось самым влиятельным Учителем всех времен.

Макиавелли: Я даже не пытаюсь спорить с ним. Тем более,

здесь, и, особенно, пытаясь учить тому, что практически полезно.

Сократ: То есть ты заявляешь, что не противоречишь Ему?

Макиавелли: Думаю, его учение во многом совпадает с моим. Например, он советует нам «быть мудрыми, как змеи, и бесхитростными, как голуби» (Евангелие от Матфея 10: 16). Также написано: «…многие, видя чудеса, которые Он творил, уверовали во имя Его.Но Сам Иисус не вверял Себя им, потому что знал всех и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке, ибо Сам знал, что в человеке» (Евангелие от Иоанна, 2:23-25).

Сократ: Многие из Его последователей пренебрегли змеиной мудростью, желая остаться бесхитростными, как голуби. Не готов ли ты стать бесхитростным, как голубь, с твоем стремлении стать змееподобным?

Макиавелли: Кто-то должен восстановить равновесие. И Христос и христиане часто воспринимаются как наивные простофили.

Сократ: Этот взгляд подходит тебе.

Макиавелли: На самом деле, думаю, я многому научился у него, даже в той своей главе, где я говорю о необходимости лжи.

Сократ: И чему же это?

Макиавелли: Как он всех убеждал, что его царство (которое, конечно, «не от мира сего») будет длится много веков, чтобы завоевать и умы, и воли, и сердца! Это же пропаганда. Он первым понял ее значение. Я вторым.

Сократ: Думаю, что это слово тут совсем не подходит.

Макиавелли: Для тебя не подходит. Ты только голубь, а не змей.

Сократ: Но Он не сказал «будьте лживы, как змей»!

Макиавелли: Сократ, я должен знать, насколько успешным мое понимание значение пропаганды стало после моей смерти. Пожалуйста, расскажи мне, были ли великие правители после меня, которые эффективно применяли это великое оружие?

Сократ: О, да. Одного звали Адольф Гитлер. Пропагандой он добился любви своего народа и чуть не покорил весь мир.

Макиавелли: Вот в нем мое оправдание!

Сократ: Я…ммм… не советовал бы тебе записывать его в свои ученики.

Макиавелли: Почему нет?

Сократ: Потому что после его смерти его ненавидели больше, чем кого-либо в истории.

Макиавелли: О! Тогда его пропаганда была не адекватной.

Сократ: Были и другие проблемы.

Макиавелли: Но мое оправдание здесь – в моей книге,

которой мы пренебрегаем. Не могли бы мы к ней вернутся?

Сократ: Да. Конечно. Пожалуйста, прости мои отвлечения и рассеянность. Похоже, это профессиональная проблема всех философов.

Макиавелли: Итак, вот мое заключение:

«Таким образом, государю нет нужды обладать всеми описанными положительными качествами, надо только, чтобы казалось, что они у него есть».

Сократ: То есть видимость важнее реальности?

Макиавелли: Точно. Имидж – все!

Сократ: Это стало лозунгом успеха в рекламе через пять веков после твоей смерти.

Макиавелли: Видишь! Я говорил тебе! А что такое «реклама»?

Сократ: По сути, пропаганда.

Макиавелли: Видишь! Снова! Что я говорил!

Сократ: Это старейшая профессия в мире. Она была изобретена змием в Раю.

Макиавелли: ***«Я решусь сказать даже, что при постоянном их (положительных качеств) наличии и соблюдении они становятся вредны, а когда кажется, что они есть – полезны»***.

Сократ: Платон и все моралисты древности стремились доказать совершенно обратное – что справедливость всегда выгоднее, что добродетель работает, что право создает могущество.

Макиавелли: Да, у них все наоборот.

Сократ: Они приводили аргументы своих выводов.

Макиавелли: И я привожу!

Сократ: Думаю, ты можешь угадать мой следующий вопрос.

Макиавелли: Вот почему я считаю контроль над видимостью более важным, чем контроль над реальностью:

«Люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле».

Сократ: То есть ты предпочитаешь видимость реальности.

Макиавелли: Конечно! Как говорит твой рекламщик «Имидж – все!».

Сократ: А правда – ничто.

Макиавелли: Соответственно.

Сократ: И это правда?

Макиавелли: Я верю в это.

Сократ: Но если правда – ничто, тогда и реальность – ничто.

Макиавелли: Твой аргумент – просто софизм, Сократ. Это недостойно тебя.

Сократ: Нет, Никколо, это твое высказывание логически противоречиво. И это недостойно тебя.

Макиавелли: Мы сейчас на уроке логики или в реальном мире?

Сократ: Я не знаю ничего более истинного и полезного в реальном мире, чем законы логики. А ты? Ты когда-нибудь видел что-либо, что не подчинялось бы закону непротиворечия? Например, человека, который одновременно бы и существовал, и не существовал?

Макиавелли: Нет.

Сократ: Тогда, думаю, самое время рассмотреть твою логику.

14. Логика Макиавелли

Макиавелли: Ты уже нашел одно противоречие в моей книге - по критериям твоей логики. Уверен, найдешь и еще. Но меня это не волнует. Логика – самое абстрактное из всех знаний и наименее значимое для меня. Я же практический человек, помнишь?

Сократ: Именно поскольку ту практический человек, ты должен более серьезно относиться к логике. Быть практичным – значит знать, как обращаться с реальностью; чтобы знать как обращаться с реальностью, нужно знать, что такое реальность, а логика – это наука о всем что реально или даже воображаемо. Ее законам подчиняются не отдельные вещи, но вообще все! Поэтому первое требование для всех, кто хочет быть практичным, - знать логику.

Макиавелли: Продолжай, Сократ. Играй в свою логическую игру.

Сократ: О! Это не игра, и не моя… Ведь и то, что мое, и все игры могут меняться, в отличие от логики.

Макиавелли: Отлично. Заканчивай с этим. Что бы это ни было.

Сократ: Мы уже нашли у тебя одно противоречащее самому себе заключение – твое предпочтение видимости перед реальностью и правдой.

Макиавелли: Это не противоречие. Не я предпочитаю знать видимость вместо правды. И я не даю такого совета правителю. Знать видимость вместо правды должны те люди, которыми он правит.

Сократ: О! Так ты заботишься о том, чтобы быть логичным. Ты тогда не согласишься с поэтом Уолтом Уитманом, жившим через несколько сотен лет после тебя и сказавшем: «По-твоему, я противоречу себе? Ну что же, значит, я противоречу себе. Я

широк, я вмещаю в себе множество разных людей».

Макиавелли: Не соглашусь. Этот человек мог быть поэтом, но не мог быть правителем.

Сократ: Ты прав. Позволь мне тогда предположить, что твой совет показывать людям видимость, а не реальность, был не логическим противоречием, а лишь оправданием бесчестия и лицемерия. Вот и второй случай, похожий на этот – твой аргумент о хорошем войске и хороших законах.

Макиавелли: Но и это не противоречие. Это просто нелогично.

Сократ: Ага! Ты не просто заботишься о том, чтобы быть логичным, ты еще и знаешь правила. Да. Ты прав. Твой аргумент содержал не противоречие, а логическую ошибку. Твой вывод не следует из предпосылки. Даже если хорошая армия является обязательным условием хороших законов, из этого еще не следует, что она является достаточной причиной.

Макиавелли: Что-нибудь еще, Сократ?

Сократ: Еще одна логическая ошибка – и мы уже говорили об этом отрывке – когда ты говоришь, что если бы люди были хорошими, то совет нарушать обещания был бы неверен, но поскольку люди злы по отношению к тебе и не держат обещаний, из этого следует, что твое нарушение обещаний нравственно оправданно.

Макиавелли: И в чем же тут логическая ошибка?

Сократ: Хмм. Возможно, и нет. Давай посмотрим. Предпосылка – люди не держат обещаний, данных тебе. Вывод – ты имеешь нравственное право нарушить свое обещание им. Вывод содержит в себе нечто, чего не было в предпосылке: он о том, что делать нравственно, а что нет. Но в предпосылке лишь описывался факт. Таким образом, вывод пытается доказать **ценность**, исходя из **факта**. И это кажется нелогичным. Тем не менее, если ты добавишь подразумеваемую, но не высказанную предпосылку о том, что нравственно правильно делать другим то, что они делают тебе, то вывод будет логичен.

Макиавелли: Таким образом, это и не противоречие, и не логическая ошибка. Что ж, моя логика пока не плохо держится.

Сократ: Но без этой предпосылки твой аргумент логически некорректен. А сама эта предпосылка, что совершенно очевидно, не верна.

Макиавелли: Разве? Почему?

Сократ: Почему? Представь, что другие сделали тебе что-то, что нравственно плохо.

Макиавелли: Это легко представить.

Сократ: Исходя из твоей предпосылки о том, что нравственно

правильно делать другим то, что они делают тебе, получается, что для тебя нравственно **правильно** делать по отношение к ним то же самое, что для них делать по отношению к тебе нравственно **НЕправильно**.

Макиавелли: Да. Именно это я и сказал.

Сократ: То есть ты заявляешь, что нравственно делать то, что безнравственно; что плохое – хорошо; что зло является добром.

Макиавелли: Это как-то не особо меня и беспокоит. Я предпочту ошибиться в логике и выиграть в политике, чем проиграть в политике и выиграть в логике. Какие еще обвинения у тебя есть против меня, о, великий логик!

Сократ: Всего два еще. Один очень общий – о твоих идеалах, а второй конкретный – о твоем практическом совете.

Макиавелли: Меня заботит только конкретное, поэтому давай сначала покончим с общим вопросом и поскорее.

Сократ: Если у нас получится. Ни ты здесь не под судом, ни я, но мы оба должны следовать за доказательствами, куда бы они не привели, подобно плотам на реке.

Мой вопрос затрагивает отношение между реальностью и идеалом. В чем ты видишь основной недостаток политической философии бывшей до тебя – и христианской и языческой. Почему ты отверг их общие основные законы о том, что мы должны судить то, что мы видим, по идеалам или целям; или о том, что добродетель государства – в его гражданах?

Макиавелли: Идеалы древних были очень возвышенны и святы и прекрасны, как звезды. Но если нам нужно пройти через опасную гору, они слишком далеки, чтобы быть нам полезными. Намного больше света на земные вещи проливает обычный фонарь, хотя его свет и красота намного уступают звездам. Но он ближе, а потому и его польза больше.

Сократ: Иначе говоря, нам нужно снизить наши идеалы, тогда они станут достижимы.

Макиавелли: Именно. На практике нам нужно то, что практично. И это познается наблюдением за человеком и его деятельностью, а не мистическими песнопениями монахов или абстрактными словами философов.

Сократ: То есть ты считаешь, что идеалы Платона или Иисуса слишком высоки, чтобы служить обычному человеку, каков он есть?

Макиавелли: Да. Человек – это животное, а не ангел; грешник, а не святой.

Сократ: То есть ты оцениваешь идеал по существующему в реальности?

Макиавелли: Да.

Сократ: И это основной критерий?

Макиавелли: Да.

Сократ: Что-то реально существующее?

Макиавелли: Да.

Сократ: То есть, судя об идеале по тому, что реально существует, ты делаешь то, о чем и нужно судить, судьей того, кто судит. Это как преступник, осужденный за преступление, судил бы своего судьюи присяжных. Не кажется ли тебе, что это близко к логическому противоречию утверждения самому себе.

Макиавелли: Нет. Это реализм. Альтернативой реалистичным и достижимым идеалам является нереалистичные и недостижимые идеалы – перфекционизм.

Сократ: Например, «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

Макиавелли: Ну, да. У меня нет ни малейшего желания оскорблять его или критиковать здесь его учение или его власть, но я не думаю, что он имел в виду, что его совету о совершенстве последуют в этом материальном мире грешные и падшие люди.

Сократ: Тогда почему же, как ты думаешь, Он сказал это?

Макиавелли: Я не богослов. Откуда мне знать?

Сократ: Но Он говорил не богословам, и не монахам, и не мистикам.

Макиавелли: Тогда я просто не знаю. А ты?

Сократ: Знаю.

Макиавелли: О, извини. Я еще не так давно в этом мире, чтобы приобщиться к знанию свыше.

Сократ: Но это не божественное – или как его назвать? – знание, которое позволяет мне понять, что именно Он, вероятнее всего, имел в виду, а просто размышление и разум. Как может критерий быть менее, чем совершенным? Если бегун каждую секунду не стремится к финишной черте, то он до нее и не добежит. И если ученик не стремится достичь в чем-то совершенства, то он ошибочно сочтет несовершенство идеалом. На самом деле, если бы мы не стремились к **вечным** идеалами не судили бы по ним, как мы могли бы оценить временные изменения? Если финишная прямая перемещается, как можно до нее добежать? Понимаешь, что я имею в виду? Это простая логика.

Макиавелли: Возможно. Тогда я обучаю новой логике для новой этики.

Сократ: Что ты имеешь в виду?

Макиавелли: Что иногда нравственное зло является необходимостью, а значит – добром.

Сократ: То есть, «ты, о зло, будь моим благом!». Так? «Моим

нравственным благом».

Макиавелли: В некотором смысле, да. Мне следует запомнить эти шокирующие слова.

Сократ: Эти слова уже были сказаны поэтом Мильтоном, который вложил их в уста дьявола.

Макиавелли: Чьим сыном некоторые меня и называют. Но, думаю, это не самая безопасная компания для дружеской беседы.

Сократ: Логически недопустимо называть зло добром. Это то же самое, что называть «верх» «низом», а «да» – «нет». Это просто бессмысленно.

Макиавелли: Но в этом будет смысл, если мы разделим нравственное благо и практическое благо. Тогда фраза «ты, о зло, будь моим благом!», означает только, что нравственное зло воспринимается как практическое благо или польза для меня. Это все, что я имел в виду.

Сократ: То есть ты не заявляешь, что нравственное зло иногда может быть нравственным благом?

Макиавелли: Нет. Это было бы противоречием, как ты уже отметил. Я не учу нравственности – только практичности. Я выхожу за пределы добра и зла. Кстати, получился прекрасный лозунг – «за пределами добра и зла». Думаю, я бы хотел когда-нибудь написать книгу под таким заголовком.

Сократ: Такая книга была уже написана человеком по имени Ницше. И его идея претерпела ту же судьбу – противоречие самой себе. Ведь идея в том, что именно добро выходит «за пределы добра и зла».

Макиавелли: Что ж, тогда давай придумаем другой лозунг. Как насчет «цель оправдывает средства»?

Сократ: Некоторые думают, что именно это ты и сказал.

Макиавелли: Ну, строго говоря, именно этого я не говорил. Но я мог бы это сказать. Легко запоминающийся короткий лозунг.

Сократ: Этот лозунг в некотором смысле очевидно верен… тривиально и тавтологически верен. Конечно, цель, для достижения которой ищутся средства, является их оправданием или смыслом. Именно это и означает «средство» - средство для достижения цели. Но это только психологическое оправдание: мое желание цели объясняет и является причиной моего желания использовать это средство. Например, я хочу лодку, потому что хочу переплыть море.

Но если, говоря «цель оправдывает средства», ты имеешь в виду нравственное оправдание, то давай посмотрим, что получается. Нравственно благая цель оправдывает нравственно благие средства. Например, спасение людей от голода оправдывает раздачу им еды. Нравственно благая цель

оправдывает также и нравственно нейтральные средства. Например, строительство храма оправдывает применение лопаты. Но может ли нравственно благая цель оправдать безнравственные средства? Хорошо ли убить богатого, чтобы лучше кормить бедных?

Макиавелли: Да, при определенных обстоятельствах – хорошо. Если это обеспечит максимальное благо для максимального количества людей.

Сократ: Ты сейчас изобрел еще одну известную формулу, формулу блага, цели или критерия моральности суждения, согласно философии, которую назовут утилитаризмом. Она сильно напоминает твою. Ее формула – «максимальное счастье для максимального количества людей». Сторонники этой философии утверждают, что эта цель оправдывает любые средства, которые позволяют эффективно ее достичь.

Макиавелли: Меня больше волновали интересы правителя, чем интересы максимального количества людей, но я не вижу логических противоречий в этой формуле. А ты?

Сократ: Вижу. Предположим, ты не садист и не мазохист, и ты находишься в комнате с сотней садистов. Величайшее счастье для максимального количества людей в той комнате будет заключаться в том, чтобы медленно мучить тебя, пока ты не умрешь. Будет ли это моральным благом?

Макиавелли: Нет. Конечно, нет. Но я не говорил, что цель оправдывает средства для всех людей в любых обстоятельствах. Я не писал книгу по этике, помнишь? Эта книга и не про успех для всех, или даже для одного частного человека или бизнесмена. Я сказал, что для того, чтобы правителю достичь своей цели – то есть власти и могущества, он обязан применять безнравственные средства. Он должен также часто делать выбор между практическим благом и моральным благом. И разве это не то, о чем Иисус предупреждал своих учеников, говоря, что их будут преследовать и убивать, если они последуют его нравственному пути. Я не только не вижу здесь никакого логического противоречия, но я не вижу и никакого противоречия между тем, что сказал я, и тем, что говорил Иисус и святые. Мы показываем одну и ту же альтернативу – или нравственности или практичность.

Сократ: Тогда почему твои ученики, выбирая между нравственностью и практичностью, сделали выбор прямо противоположный тому, что сделали ученики Иисуса? Если вы оба учите одному и тому же, то один из вас очень плохой учитель.

Сократ: Но у меня есть к тебе вопрос о еще одном логическом противоречии. Думаю, что к этому вопросу ты должен отнестись очень серьезно.

Макиавелли: Я весь внимание.

Сократ: Твой целью является торжество «virtu» над «фортуной», иначе говоря, подчинение себе «фортуны». Так?

Макиавелли: Да.

Сократ: Философы вскоре после тебя назовут это «покорением природы человеком». Они назовут это финальной целью и смыслом человеческой жизни на земле, возвещая тем самым принципиально новую эру с принципиально новым пониманием величайшего блага или summumbonum.

Макиавелли: Тогда я действительно был первооткрывателем.

Сократ: Да, хотя, согласно твоим взглядам, покорять должен только правитель, а не всем людям, покорять он должен скорее людей, а не природу, и посредством скорее войска, нежели технологией.

Давай посмотрим, что ты пишешь. В твоей предпоследней 25-й главе, озаглавленной «Насколько дела человеческие зависят от фортуны и как можно ей противостоять», ты подытоживаешь и обобщаешь свой практический совет. Это самая важная глава.

Макиавелли: Я не согласен. Если бы я думал так же, я бы сделал ее последней. Ведь не практике всегда важен конец, и он достигается в конце. В теоретических вопросах наиболее важен основной закон, и он идет в начале. Таким образом, в философских книгах обычно самая важная – первая глава, но в практических книгах, подобных моей, - это последняя глава.

Ты заметишь, что последняя глава описывает нечто конкретное – ситуацию в Италии в мое время, в то время как предпоследняя глава описывает общие положение – власть «фортуны». Практичное всегда конкретно.

Практичное также всегда нацелено на действие, а не на мысль, и выражается побудительными предложениями. В то время как теория нацелена лишь на размышление ради размышления и выражается повествовательными предложениями. Поэтому моя последняя глава и озаглавлена «Воззвание к овладению Италией и освобождению ее из рук варваров».

Честно говоря, Сократ, я удивлен, что ты не понял этого. Я удивлен, что я даю тебе урок по основам логики Аристотеля – величайшего ученика твоего величайшего ученика, - урок о различии между теоретическими и практическими науками.

Сократ: Спасибо за напоминание, Никколо! Я, конечно, знаю все эти вещи, но мой интерес не в Италии и варварах (под которыми ты подразумевал французов), но в вечной истине и в твоей бессмертной душе и разуме. Как я уже говорил, мы здесь не читаем газет, мы читаем письмена вечности.

Также, я не хочу верить, что ты изобрел эту огромную махину, этот радикально новый взгляд на мир и на жизнь только для того, чтобы изгнать варваров из Италии. Это как изобрести бомбу, чтобы убить мышь.

Макиавелли: Это не было первой целью написания «Государя». Как ты уже заметил в начале, это было средством найти работу. Я пытался продать Лоренцо свои услуги – обменять свое интеллектуальное «virtu» на его политическую «фортуну».

Сократ: И если бы ты преуспел, это породило бы еще одно логическое противоречие, или, скорее, практическое противоречие, которое, я думаю, было бы гораздо обиднее для тебя.

Макиавелли: Это как? Видимо, я пропустил несколько пунктов твоего рассуждения.

Сократ: Предположим, тебе удалось убедить Лоренцо взять тебя на работу и применить несколько советов, изложенных в книге. Один из твоих советов – не доверять подчиненным. Ты также заявляешь, что государь не должен выглядеть получающим советы от других, но должен претендовать на то, что вся мудрость исходит из него. Если бы ты преуспел в том, что Лоренцо принял бы твой совет, то человечество читало бы не «Государя» Никколо Макиавелли, а «Государя» Лоренцо Медичи. Книга бы привела к тому, что тебя бы все забыли.

Макиавелли: Нет, так как моя книга была не оружием, которым бы я победил, но только Троянским конем, с помощью которого я попал бы за стены. Это был лишь ход пешкой. Я бы использовал другие приемы, другие ходы, другие стратегии, если бы Лоренцо принял мое предложение.

Сократ: Но зная это, трудно принимать твою книгу всерьез. Таким образом, ее цель – не раскрыть объективную и всеобщую истину, что является целью любой науки, но лишь ввести в заблуждение одного человека и приобрести личную власть?

Макиавелли: Нет, не только. Пользуясь этим средством для достижения этой цели, я раскрыл много верного и научно обоснованного. И хотя я и не достиг своей цели, я могу поделиться своим средствами.

Сократ: Да, но сложно доверять тебе, когда мы знаем, почему ты это сказал.

Макиавелли: Это не должно быть так. Предположим, ты

обнаружил, что Эвклид написал свои «Начала геометрии» только для того, чтобы обмануть своего господина.Сделает ли это открытие неверными геометрические истины Эвклида?

Сократ: Нет. Ты прав. И именно поэтому мое исследование твоей книги было скорее философским, чем практическим, поскольку целью философии является всеобщая истина, а практической целью кого-либо является лишь индивидуальная выгода.

Давай вернемся к твоей книге – хотя позже, возможно, полезно будет вернуться к обстоятельствам твоей жизни, твоим успехам и падениям, если они связаны с твоей книгой, чтобы понять твои мотивы. Но я думаю, это лучше оставить на конец, чтобы не впасть в ту ошибку, о которой ты упомянул, - считать идеи мыслителя ложными или бесполезными только потому, что нам не нравятся его мотивы или его жизнь или его личность. Эта ошибка стала очень распространенной через несколько веков после твоей смерти благодаря человеку по имени Фрейд, раскрывшему многие скрытые механизмы психики и мотивации. (Однажды я поговорю с ним об одной из его книг). Эта ошибка была названа «психологической ошибкой» или «генетической ошибкой» - вариант того, что раньше называлось ошибкой adhominem.

Итак, давай обратимся к твоим заключительным суждениям о «фортуне».

Макиавелли: Спасибо, что ты так справедлив ко мне, Сократ. Думаю, иначе бы ты не попал в то место, где ты сейчас. Верно?

Сократ: Не верно. Но не отвлекайся. Давай сосредоточимся на твоих словах.

Макиавелли: Сколько раз ты собираешься сказать «давай», прежде, чем мы начнем?

Сократ: Тебе удалось устыдить меня. Видишь ли, я никогда не был государем, и в тот единственный раз, когда я был вынужден выступать публично, я не смог даже спасти свою жизнь, свою честь и достоинство. Ты знаешь мою историю. Уверен, ты читал мою Апологию, записанную Платоном.

Макиавелли: Если бы в то время у тебя была возможность прочесть мою книгу, ты бы так не переживал. Именно поэтому ты нуждаешься во мне даже сейчас…

Сократ: Нет. У меня нет ни сожалений, ни необходимости в тебе. Это ты нуждаешься во мне.

Макиавелли: Думаю, мы доказали на жизненном примере, что ты нуждаешься в том, чтобы я словесно дал тебе пинок под зад, иначе ты без конца будешь повторять «давай» и никогда не сможешь этого сделать. Только сочетание человека мысли с

человеком действия может быть совершенным и успешным. Я – человек действия. Ты – человек мысли. Я – лев, ты – лиса.

Сократ: Когда ты представлял себя Лоренцо, ты называл себя лисой. То снова себе противоречишь. И он не нанял тебя. Почему же я должен это сделать?

Макиавелли: Потому что я уже много раз показал тебе свою способность сбивать тебя с намеченного плана разговора. И я бы мог проделать подобное еще много раз, если бы не раскрыл тебе сейчас свою стратегию.

Сократ: Поскольку мы добрались до темы психологической ошибки, я больше не буду откладывать тему твоей жизни в свете тех событий, которые могли повлиять на твою книгу. Я займусь ей сейчас и отложу пока разговор о логических ошибках практических советов твоей последней главы. Ведь именно я задаю курс и гребу в нашей лодке, а не ты, хотя течение реки и ее направление определяется Другим, но ты назовешь это «фортуной».

Макиавелли: Тебе никогда не стать хорошим писателем. Твои образы очень непостоянны. Твоя лодка одновременно и гребная и парусная.

Сократ: Именно поэтому я и не пытался быть писателем. Я не писал ни увлекательных историй, ни вообще ничего, между прочим. Но мы сейчас рассматриваем твои писания, а не мои.

Я начал изучение твоей книги с выдвижения фундаментального предположения о твоей философии человека – того не выраженного явно допущения, на котором базируются многие твои выводы. Мы обнаружили, что возвращаемся к этому предположению снова и снова, ведь ты снова и снова в своих рассуждениях отталкивался именно от него. Я сейчас зачитаю отрывок, в котором ты ясно формулируешь свое предположение, но оно не из «Государя», а из «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» (книга 1, глава 3). А потом я раскрою причины, скорее из твоего опыта, чем из аргументов, которые привели тебя к такому предположению.

Макиавелли: Но ты сказал…

Сократ: Нет. Ты не собьешь меня снова. Вот как звучит твой основной закон:

«Как доказывают все, рассуждающие об общественной жизни, и как то подтверждается множеством примеров из истории, учредителю государства и создателю его законов необходимо заведомо считать всех людей злыми и предполагать, что они всегда проявят злобность своей души, едва лишь им представится к тому удобный случай».

Макиавелли: Ты говорил, что многие мои последователи

восприняли этот реалистичный взгляд, но несколько смягчили его…

Сократ: По крайней мере, один твой влиятельный почитатель, который и сам был правителем и в некоторой степени философом, пытался изменить твои взгляды в противоположном направлении. Он написал введение к «Государю», в котором утверждал, что «Макиавелли не хватало презрения к человечеству».

Макиавелли: Какая великолепная критика! Расскажи мне побольше об этом человеке.

Сократ: Он писал: «Макиавелли был величайшим итальянским философом…».

Макиавелли: Ха-ха! Послушай-ка это, Фома Аквинский!

Сократ: «… и учителем всех учителей политики».

Макиавелли: Ты говоришь, этот мудрый человек был правителем и философом?

Сократ: Да. Но я не говорил, что он был мудрым человеком.

Макиавелли: Чем он занимался? Где он правил?

Сократ: Он правил Италией.

Макиавелли: Всей Италией?

Сократ: Да. Как диктатор. «Дуче».

Макиавелли: Каковы были его цели?

Сократ: Он хотел восстановить былое могущество императорского Рима. Древние римляне были для него примером так же, как для тебя.

Макиавелли: Это просто чудо!

Сократ: На самом деле этот человек совершил одно чудо, замеченное всеми итальянцами – он заставил поезда приходить вовремя.

Макиавелли: Как его звали? Это имя должно почитаться вечно!

Сократ: Бенито Муссолини.

Макиавелли: У нас тут есть слушатели? Я ясно слышал звук, словно тысячи людей вдруг вздохнули, – несомненно, из почтения.

Сократ: Ах…

Макиавелли: А теперь я слышу приглушенный смех из тысячи уст. Это не надо мной смеются?

Сократ: Увы! Это часть «фортуны», над которой не властно твое «virtu». В действительности мы окружены огромным облаком свидетелей, которые видят и слышат нас, хотя мы и не можем их видеть.

Макиавелли: Где же они?

Сократ: Некоторый из них в Чистилище с тобой проходят те

же мытарства. Некоторые в Раю со мной получают удовольствие и наставление, смотря и слушая. А некоторые на земле, так как наши слова записаны в книгу, озаглавленную «Сократ встречает Макиавелли».

Макиавелли: Но если мы не реальны, а лишь персонажи написанной кем-то книги, получается, что тебе не удалось опровергнуть настоящего Макиавелли.

Сократ: Этот автор пишет увлекательные истории, но он позволяет нам быть самими собой.

Макиавелли: Тогда я требую права говорить сам за себя, вместо того, чтобы подвергаться этомудопросу!

Сократ: И это как раз входило в замысел автора. Пришло время тебе рассказать свою историю и пояснить свою философию, только не логикой и аргументами, на которые привык опираться я, а личным опытом, на который привык опираться ты.

Макиавелли: Что ж. Самое время!

Сократ: Извини, я забыл сказать, что тут есть временные ограничения – у тебя всего десять минут на рассказ.

Макиавелли: Но ты говорил, что здесь нет временных ограничений.

Сократ: Нет. Но они есть на земле. Большинство читателей там не выдержат более десяти минут. Поэтому расскажи нам только о тех эпизодах, которые максимально повлияли на твое мировоззрение, особенно на то убеждение, что все люди злы.

Макиавелли: Хмм. Что ж, я должен сыграть в карты, которые я же и раздал. Должен признаться что сейчас я в том же состоянии, в котором находился, когда начал писать «Государя». Я описал это состояние в последнем предложении своего посвящения Лоренцо: ***«И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор ваш когда-либо обратиться на ту низменность, где я обретаюсь, вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы»***.

Сократ: Теперь мы знаем две вещи – ты любишь собственные слова и ты нытик. Но ту уже потерял минуту. Осталось девять.

Макиавелли: Тогда я расскажу о восьми событиях, которые научили меня моей вынужденной, но реалистичной правде.

Первое – заговор Пацци. В 1478 году семейство Пацци, которые были банкирами Папы Римского, пыталось убить Лоренцо Медичи, которого подлинно можно было бы назвать Великолепным, внука Козимо Медичи. Покушение происходило в храме и сигналом к началу был тот момент, когда священник во время литургии поднял Святые Дары, и весь народ опустился на колени. Желая отомстить за это богохульство, боголюбивый народ Пизы наложил руки на своего архиепископа, который был

частью заговора, набросил ему на шею веревку и выбросил его из окна дворца вместе с одним из Пацци – соучастником убийства. Остальных заговорщиков толпа разорвала на части – толпа простых людей. Это показало мне, что скрывается в глубине человеческого сердца, ведь если бы зверя не было кустах, он не смог бы выпрыгнуть на поляну.

Второе – оккупация и унижение моей родной Флоренции французским королем Карлом VIII в 1494 году. Я видел, как он проходит по нашим улицам. Это научило меня, насколько глубоко различие между унижающим и унижаемым, между бесчестьем и славой.

Третье. Я уже упоминал историю Савонаролы, который после четырех лет почитания и поклонения как святому и пророку, после создания так называемого «Христианского государства» был сожжен на костре своими же учениками. Я видел пламя – и пламя в глазах и сердцах людей.

Четвертое. Самым потрясающим человеком, которого я когда либо знал, был ЦезарьБорджиа. Его отец стал Римским папой в 1492, купив свою должность. Епископы и даже папа в мое время не только не были безбрачны, но даже вполне открыто имели множество любовниц и детей. Лукреция Борджиа – его сестра – устраивала настоящие оргии в Ватикане и прославилась успешными отравлениями своих врагов. Никто не знал, кто был отцом ее незаконнорожденного сына – ее отец – папа, или ее брат – Борджиа. Брат Цезаря был фаворитом папы, поэтому Цезарь решил проблему, убив его. Видишь, Цезарь был способен на все. Он был необычайным человеком, у него вообще отсутствовала совесть.

Тем не менее, после смерти отца Цезаря следующий папа дважды арестовывал Цезаря, но тот дважды бежал, хотя и не смог восстановить свою власть. Я задался целью найти причину такого поразительного успеха и падения.

Пятое, в 1512 папская армия окружила мой город и горожане отказались сражаться с его испанскими наемниками. Они наказали меня за то, что я поддерживал Содерини вместо Джулиано Медичи. Они вытолкали меня из моего кабинета – я был дипломатом и переговорщиком с Францией и Германией – разорили меня и выслали из города. Четыре месяца спустя меня бросили в тюрьму, потому что кто-то включил мое имя в список двадцати горожан, которые противостояли Джулиано, и удалось доказать, что один из них пытался убить его. Меня пытали при помощи страппадо – у меня нет времени описать его, но это жутко – но я выжил, был освобожден и сослан в свое сельское поместье – мирное местечко, чьи скучные деревенские красоты

стали для меня невыносимыми.

Шестое. Я должен был восстановить благосклонность Медичи, чтобы вернуться в реальный мир власти и заговоров. Летом 1513 я написал свой шедевр – «Государя», вложив в него всю свою мудрость, весь опыт и изучение истории. Он не был оценен.

Седьмое. Мои возможности возродились, когда в 1519 умер Лоренцо Медичи, а его преемник кардинал Джулио Медичи нанял меня, чтобы написать историю Флоренции. Я написал свою «Историю Флоренции», ни разу не оскорбив Медичи – выдающееся достижение, которое ты бы оценил, если бы знал эту семейку.

Восьмое, в 1527 горожане Флоренции восстали против Медичи. Я думал, что теперь буду восстановлен в правах, так как пережил пытку, тюремное заключение, бесчестье и ссылку за то, что противостоял их семье. Но горожане теперь отвергли меня как друга кардинала Медичи, который стал папой Климентом VII. Предательство меня со стороны моих сограждан флорентийцев повергло меня в тоску, болезнь, а затем и смерть. Последний день моей земной жизни пришелся на 1527 год, когда мне было 58 лет.

Окруженный такими людьми в такие времена, к каким другим выводам о людях и о Боге, если он существует, мог я прийти, как не к выводу, что они безнадежно испорчены? Какой практический человек поверит в человеческий разум и добро или во власть человеческого разума в «идеальном государстве», подобном платоновскому? Или в Церковь, которая говорила слова праведности и мира своим раздвоенным языком?

Сократ: На самом деле, существует прямой и буквальный ответ на твой вопрос. Я знаю двух очень практичных и даже циничных людей, которые в это поверили. И хотя их жизнь и была похожей на твою, они пришли к совершенно другим выводам. Один был Томас Мор, который написал свою «Утопию» через три года после того, как появился твой «Государь». Он был столь же вовлечен в политику и интриги, как и ты, служа английскому тирану, столь же изменчивому, как и итальянский. Он верно служил канцлером Англии, но был заключен в тюрьму и обезглавлен. И все же он описал «идеальное государство» справедливости, основанное на естественном законе.

Макиавелли: Должно быть, он был простофилей.

Сократ: Он был святым.

Макиавелли: Я все же остаюсь при своем. Он никогда бы не написал такую книгу, если бы он был итальянцем.

Сократ: Но мой второй пример – из Италии. Боккаччо так же, как и ты скептически относился к духовенству, но и он сделал

иные выводы из описанных тобой событий. В одной из историй «Декамерона» практичный еврейский торговец Авраам отказывается обратиться в христианскую веру и креститься, находясь в Париже, но ему приходится на год уехать в Рим, чтобы вести бизнес с семейством Борджиа и папскими банкирами. Его парижский приятель уверен, что Авраам никогда не вступит в церковь, если увидит все безобразия собственными глазами. Но как только Авраам возвращается в Париж, он просит, чтобы его крестили. Он объясняет свое решение пораженному приятелю приблизительно так: «Я практичный торговец. Я не знаю богословия, но знаю торговлю. И в одном я убежден наверняка – ни одно земное дело, настолько продажное и испорченное, не может просуществовать и четырнадцати дней, а это продержалось четырнадцать веков. Это чудо! Я хочу принять крещение!»

Конечно, эта история полна сатиры и цинизма. Но она и очень серьезна и является историческим фактом для нашей дискуссии.

Но наше время истекло, терпение наших читателей заканчивается. Спасибо, Никколо, за искренний и откровенный рассказ. Наши читатели, без сомнения, сделают из него самые разные выводы как для своей жизни, так и для своей мысли. Они могут даже заключить (говоря словами английского святого Томаса Мора), что «нет времен настолько ужасных, что в них не мог бы жить хороший человек».

Макиавелли: Такие времена я знаю, но не таких людей.

Сократ: Это только пока, возможно.

16. Формула успеха

Сократ: Мы должны завершить наше исследование твоей книги изучением ее философского заключения в 25 главе, озаглавленной «Насколько дела человеческие зависят от фортуны и как можно ей противостоять».

Поначалу твои слова напоминают покорность и фатализм стоиков…

Макиавелли: Да, я был прельщен ими, но затем отверг как наивную и оптимистичную ошибку.

Сократ: Это хороший пример добродетели умеренности или «золотой середины», применяемой к рассуждениям.

Макиавелли: Возможно, у меня с ними не так много разногласий, как может показаться.

Сократ: Так бывает, когда преодолены и преувеличения, и упрощения, и стереотипы. Хотя и не всегда. Бывает еще золотая середина между золотой серединой и крайностями.

Сейчас же, наконец, касаясь вопроса об успехе и возможности добиться его нашей мудростью, ты пишешь:

«Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что всем в мире правят судьба («фортуна») и Бог, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что незачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим жребием. … Иной раз и я склоняюсь к общему мнению, задумываясь о происходящем. И однако, ради того, чтобы не утратить свободу воли, я предположу, что, может быть, судьба («фортуна») распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям».

Между прочим, это очень мудро с твоей стороны создать меры предосторожности против непредвиденных обстоятельств «фортуны» - на тот случай, если бы тебя обвинили в атеизме – ты вовремя упомянул имя Бога, хотя и не веришь в Него. Если бы и моя совесть позволила мне сделать то же самое во время моего судебного процесса, а мог бы спасти свою шкуру.

Макиавелли: Откуда же тебе знать, что это обращение к Богу не искреннее? Ты не можешь читать мое сердце.

Сократ: Но я могу прочитать твои мысли, если твои слова их отражают. Ни один верующий в Бога так, как верит Церковь, не поставит Бога в один ряд с «фортуной».

Макиавелли: Почему нет?

Сократ: Что является основной чертой в отношении верующих к Богу?

Макиавелли: Благоговение, благочестие, послушание, наивность, суеверный страх – я не знаю, какого именно ответа ты ищешь.

Сократ: Эти подойдут. А теперь скажи мне, что, в соответствии с твоей мудростью и тех, кто верит в нее,является основной чертой в отношении «фортуны»?

Макиавелли: Это изложено в данной главе.

Сократ: Особенно в заключительном параграфе?

Макиавелли: Да.

Сократ: Я зачитаю слова доброго старого святого Ника **Макиавелли:** ***«Фортуна – женщина*** (тут перевод сильно смягчен), ***и кто хочет с ней сладить***(еще один эвфемизм)***, должен колотить ее и пинать»***. Как это называется одним словом?

Макиавелли: Я не хочу богохульствовать даже в мыслях.

Сократ: Ты уже.

Макиавелли: Я всегда был очень осторожен.

Сократ: Чтобы не оставлять компрометирующих видимых следов – да. Ведь согласно твоим собственным законам видимость важнее реальности, или «имидж – это все». Но даже если бы это было так на земле (а это не так), и даже если бы это срабатывало там (а это в конечном счете не срабатывает), здесь не бывает видимостей – только реальность и неприкрашенная правда.

Макиавелли: Твоя задача – исследовать мою книгу, а не мое сердце.

Сократ: Между ними двумя, тем не менее, находится твой разум, и я должен завершить распутывание этой кучи канатов, связанных в узлы, которые составляют такелаж того корабля, который и является тобой.

Макиавелли: Твое воображение становится лучше от общения со мной. Знаешь, я мог бы значительно улучшить твой стиль, если ты дашь мне возможность сделать это.

Сократ: Похоже, ты собираешься здесь надолго задержаться.

Макиавелли: Тогда…

Сократ: Нет! Вернемся к делу! Ты говоришь о «фортуне»:

«Я уподобил бы судьбу («фортуну») бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать. Но хотя бы и так, - разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег? То же и судьбе («фортуна»): она являет свое всесилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений».

Макиавелли: Это запоминаемые и подходящие образы. Как они тебе?

Сократ: Согласен. Но давай посмотрим, какими качествами должен обладать твой правитель, чтобы завоевать эту реку или поток или богиню Фортуну.

«…сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени».

Макиавелли: И?

Сократ: Ты не замечаешь здесь внутреннего противоречия?

Макиавелли: Нет. В чем?

Сократ: Твоя формула успеха – это покорение «фортуны» собственным «virtu», собственной силой разума, воли, оружием. Так?

Макиавелли: Да.

Сократ: Но под конец ты все же проболтался. Для того, чтобы стать триумфатором, победителем, что ты должен сделать? Ты должен приспособить себя, свою «virtu», свой характер к переменчивым ветрам «фортуны» и следовать за ним, куда бы он тебя ни вел, как собачка на привязи.

Макиавелли: Но это только техника, а не сама формула успеха.

Сократ: Но здесь ты даешь свое окончательное объяснение успеха. Ты задаешь вопрос, почему люди одинаковых способностей достигают разных степеней успеха, и почему люди разных способностей могут быть на одной ступени успеха, если формула успеха это победа «virtu» над «фортуной». И вот ответ – в любом случае успешный правитель никогда не противится «фортуне», но всегда подчиняется ей и следует за ней.

Макиавелли: Ты думаешь, я именно это имел в виду?

Сократ: Ты именно это сказал. Вот твои слова:

«Ибо мы видим, что люди действуют по-разному, пытаясь достичь цели, которую каждый ставит перед собой, то есть богатства и славы: один действует осторожностью, другой натиском; один - силой, другой - искусством; один - терпением, другой - противоположным способом, и каждого его способ может привести к цели. Но иной раз мы видим, что хотя оба действовали одинаково, например, осторожностью, только один из двоих добился успеха, и наоборот, хотя каждый действовал по-своему: один осторожностью, другой натиском,-- оба в равной мере добились успеха».(И ты как настоящий ученый ищешь формулу, способную объяснить эти полярные данные. И вот она:)***«Зависит же это именно от того, что один образ действий совпадает с особенностями времени, а другой - не совпадает. …Если бы его характер менялся в лад с временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно».***

И твой бравый мужественный супермен превращается в собачонку, в лакея, в тряпку. Он студень, и «Фортуна» подставляет ему форму, которую он должен заполнить.

Макиавелли: Но он добивается успеха! Цель оправдывает средства! Даже если он пользуется низменными средствами, он достигает великой цели.

Сократ: Разве? Так он господин или слуга? Его «virtu» - хозяин «фортуны» или ее слуга? Да и есть ли у него «virtu»?

Макиавелли: Что ты такое говоришь, Сократ?

Сократ: Только повторяю то, что сказал самый практичный из всех, кто когда-либо жил на земле: «Что проку человеку

получить весь мир, но потерять себя?» Думаю, я никогда не слышал ничего более практичного.

Макиавелли: Но что это значит?

Сократ: Ты не понимаешь?

Макиавелли: Нет.

Сократ: И ты называешь себя практичным?

Макиавелли: Если ты закончил со своими оскорблениями и навешиванием ярлыков, можно я пойду?

Сократ: Нет. Потому что я не наносил тебе оскорблений, а выдвигал аргументы. И тебе никуда от них не уйти.

Но раз ты уже обвинил меня в оскорблении, то я могу совершить проступок, в котором ты меня обвинил. Я найду имя и тебе и твоей философии. И я оправдаю свое оскорбление просто зачитав последний параграф:

«Итак, в заключение скажу, что фортуна непостоянна, а человек упорствует в своем образе действий, поэтому, пока между ними согласие, человек пребывает в благополучии, когда же наступает разлад, благополучию его приходит конец. И все-таки я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна - женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать - таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, - подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают».

Если ты когда-нибудь услышишь одну песню, написанную через много лет после тебя, но певцом очень похожим на тебя – его звали Мик Джаггер – думаю, ты почувствуешь себя как дома. Песня «Always a woman to me» воспевает все зло, ложь и жестокость женщины, а также тип мужчины, который предпочитает таких женщин.

То имя, которым я должен назвать тебя, Никколо, должны носить все мужчины, чьей главной мечтой является изнасилование. Я назову тебя трусом.

Макиавелли: Пёс! Я вызываю тебя на дуэль, защищая свою честь. Принесите мечи!

Сократ: Мы уже завершили дуэль, и здесь нет мечей. Здесь у тебя нет чести, которую ты можешь защищать, и мы оба уже мертвы.

Макиавелли: Это невыносимо!

Сократ: Как сама смерть? И это последний козырь «фортуны» и причины, почему ни один человек в конце концов не может ее победить. Как ты сам пишешь в свое книге, в 7-й главе

«В дни избрания Юлия II он говорил мне, что все предусмотрел на случай смерти отца, для всякого положения

нашел выход, одного лишь не угадал - что в это время и сам окажется близок к смерти».

Известный психолог прошлого века Фрейд обнаружил, что люди обычно не мечтают о своей смертии не представляют себе собственную смерть, а потому для человека всегда удивительно трудно принять один безусловный факт – «я умру». А для тебя, как мне кажется, это будет еще труднее, потому что ты не можешь принять финальную победу «Фортуны».

Но представь себе, что это не безликая богиня «Фортуна», а Отец Небесный побивает твое непреодолимое желание завоевывать. Видишь, как это мгновенно меняет все основы твоей философии?

Макиавелли: Это сделает мою формулу «virtu» и фортуны глупостью.

Сократ: Нет. Это сделает ее возможной. Если душа и ее «virtu» бессмертны, в то время как весь мир телесных вещей, включая «фортуну», смертен, тогда «virtu» может нанести последний удар фортуне. Она может даже побить последнюю карту «Фортуны» - смерть. Как сказал поэт, «Смерть, ты умрешь».

Макиавелли: О!

Сократ: И во времена после тебя оценили и развили твои взгляды на человеческие слабости (что само по себе является ценным исправлением идеализма Платона, как ты совершенно верно отметил). Ты прекрасно объяснил человеческую неблагодарность, особенно указывая на неутолимую природу человеческих желаний. (И это ценный ключ к возвышенным предметам). Как мы уже обсуждали, ты писал: «***Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернуться».***

И ты прекрасно объяснил это следующим законом: «***Причина этому та, что природа создала людей таким образом, что люди могут желать всего, но не могут всего достигнуть. А так как желание приобретать всегда больше соответственной возможности, то следствием сего оказывается их неудовлетворенность тем, чем они владеют, и недовольство собственным состоянием»[17].***

Даже святой Августин не сказал лучше! Это и есть «беспокойное сердце», и существует всего два возможных подхода к тому факту, что наши желания не могут быть удовлетворены в этом мире. Первый – что это невозможно объяснить, что «просто

это именно так», что «так и бывает». Второй – что мечты человека должны быть больше, чем он способен схватить, иначе, зачем существуют Небеса? Какой из этих подходов кажется тебе более научным?

Макиавелли: Наверное, как человек науки я потерпел поражение.

Сократ: Наверное, ты все еще можешь добиться успеха как человек.

Примечания

[1] В этой серии, созданной Крифтом, Сократ рассматривает книги, на которых основано современное мировоззрение. В этой серии такие книги как «Сократ встречает Канта», «Сократ встречает Маркса», «Сократ встречает Кьеркегора», «Сократ встречает Фрейда», «Сократ встречает Юма», «Сократ встречает Сартра», «Сократ встречает Декарта», «Сократ встречает Иисуса».

[2] Учение о бытии.

[3] Учение о познании.

[4] Учение о человеке.

[5] Учение о нравственности.

[6] Учение о правилах рассуждения.

[7] «Willing suspension of disbelief». Вот что говориться по поводу этого термина в Википедии: «Приостановка неверия (suspension of disbelief) или намеренная приостановка неверия — понятие, введенное в 1817 г. поэтом и философом эстетики Сэмюэлом Кольриджем, который предположил, что если писатель может привнести в фантастическую историю «человеческий интерес и подобие истины», то читатель приостановит суждения относительно неправдоподобности повествования. Приостановка недоверия часто применяется в жанрах беллетристики, комедии, фэнтези и ужасов. Когнитивное отчуждение в художественной литературе подразумевает, что невежество или недостаток знания человека содействует приостановке неверия.На русский язык в разных источниках термин переводится как «(временный/ая/ое) отказ от/ приостановка/подавление неверия/недоверия/сомнений» в различных сочетаниях. В театральном искусстве и кинематографе принят термин «вера в предлагаемые обстоятельства».»

[8] Большинство цитат из Макиавелли проводится по переводу Г. Муравьевой. В ряде случаев используется перевод М. Юсима.

[9] Fortuna и virtu – ключевые термины Макиавелли. Слово «фортуна» в переводе берется с кавычки, чтобы подчеркнуть, что

оно употребляется именно в том смысле, какой имеет в виду Макиавелли – далее в диалоге смысл эти терминов будет прояснен.

[10] Диалог Платона «Апология Сократа».

[11] Рассуждение путем умозаключений и выведения честного из общего.

[12] Выведение общего из частного; выведение общих законов из рассмотрения множества конкретных фактов.

[13] Полагаю, что употребление заглавной буквы Сократом и прописной буквы Макиавелли в местоимениях, подразумевающих Христа, передает их отношение к Христу. Хотя в оригинальном тексте в обоих случаях используются только прописные буквы.

[14] Защитительная речь Сократа записана Платоном. Это первый (или один из первых) из диалогов Платона – «Апология Сократа».

[15] «nasty, solitary, brutish and short»

[16] Каламбур. Словосочетание «Italianhand» имеет два основных значение и может переводится как «лукавство в политике, бизнесе или в личных отношениях» или как «каллиграфический почерк с использованием округлых написаний букв» (italic – курсив). В то же время handlanguage переводится как «язык жестов, язык глухонемых». Так что вся фраза означает одновременно и «язык лукавства», и «язык надписи курсивом», и «итальянский язык глухонемых».

[17] Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Кн. 1, гл. 37.